

Игорь

Губерман

Г

а

р

и

к

и

на все

времена

1^{**й**}
ТОМ

Игорь Миронович Губерман

Гарики на все времена. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3091705

*Игорь Губерман. Гарики на все времена: в 2 т. Т. 1: Эксмо; Москва;
2010*

ISBN 978-5-699-18596-2

Аннотация

Этот двухтомник – уникальный шанс стать обладателем самой полной фирменной коллекции гариков. Таким шансом грех не воспользоваться!

Содержание

Камерные гарики	6
ТЮРЕМНЫЙ ДНЕВНИК	6
СИБИРСКИЙ ДНЕВНИК	100
СИБИРСКИЙ ДНЕВНИК	154
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Игорь Губерман

Гарики на все времена

Том 1

Моей жене Тате – с любовью и благодарностью

*Благодарю тебя, Создатель,
что шит не юбочно, а брючно,
что многих дам я был приятель,
но уходил благополучно.
Благодарю тебя, Творец,
за то, что думать стал я рано,
за то, что к водке огурец
ты посылал мне постоянно.
Благодарю тебя, Всевышний,
за все, к чему я привязался,
за то, что я ни разу лишний
в кругу друзей не оказался.
И за тюрьму благодарю,
она во благо мне явилась,
она разбила жизнь мою
на разных две, что тоже милость.
И одному тебе спасибо,
что держишь меру тьмы и света,
что в мире дьявольски красиво,
и мне доступно видеть это.*

В оформлении книги использованы наскальные рисунки

древних евреев

Камерные гарики

ТЮРЕМНЫЙ ДНЕВНИК

*Во что я верю, жизнь любя?
Ведь невозможно жить, не веря.
Я верю в случай, и в себя,
и в неизбежность стука в двери.
1977 год*

*Я взял табак, сложил белье —
к чему ненужные печали?
Сбылось пророчество мое,
и в дверь однажды постучали.
1979 год*

Друзьями и покоем дорожи,
люби, покуда любится, и пей,
живущие над пропастью во лжи
не знают хода участи своей.

1

И я сказал себе: держись,
Господь суров, но прав,
нельзя прожить в России жизнь,
тюрьмы не повидав.

2

Попавшись в подлую ловушку,
сменив невольно место жительства,
кормлюсь, как волк, через кормушку
и охраняюсь, как правительство.

3

Свою тюрьму я заслужил.
Года любви, тепла и света
я наслаждался, а не жил,
и заплатить готов за это.

4

Серебра сигаретного пепла
накопился бы холм небольшой
за года, пока зрело и крепло
все, что есть у меня за душой.

5

Когда нам не на что надеяться
и Божий мир не мил глазам,
способна сущая безделица
пролиться в душу как бальзам.

6

В неволе зависть круче тлеет
и злее травит бытие;
в соседней камере светлее,
и воля ближе из нее.

7

Среди воров и алкоголиков
сiju я в каменном стакане,
и незнакомка между столиков
напрасно ходит в ресторане.
Дыша духами и туманами,
из кабака идет в кабак
и тихо плачет рядом с пьяными,
что не найдет меня никак.

8

Думаю я, глядя на собрата, —
пьяницу, подонка, неудачника, —
как его отец кричал когда-то:
«Мальчика! Жена родила мальчика!»

9

Несчастья освежают нас и лечат
и раны присыпают слоем соли;
чем ниже опускаешься, тем легче
дальнейшее наращиванье боли.

На крайности последнего отчаянья
негаданно-нежданно всякий раз
нам тихо улыбается случайная
надежда, оживляющая нас.

11

Страны моей главнейшая опора —
не стройки сумасшедшего размаха,
а серая стандартная контора,
владеющая ниточками страха.

12

Тлетворной мы пропитаны смолой
апатии, цинизма и безверия.
Связавши их порукой круговой,
на них, как на китах, стоит империя.

13

Как же преуспели эти суки,
здесь меня гоняя, как скотину,
я теперь до смерти буду руки
при ходьбе закладывать за спину.

14

Повсюду, где забава и забота,
на свете нет страшнее ничего,
чем цепкая серьезность идиота
и хмурая старательность его.

15

Здесь радио включают, когда бьют,
и музыкой притушенные крики
звучат как предъявляемые в суд
животной нашей сущности улики.

16

Томясь тоской и сомнением,
не сетуй всуе, милый мой,
жизнь постижима лишь в сравнении
с болезнью, смертью и тюрьмой.

17

Плевать, что небо снова в тучах
и гнет в тоску блажная высь,
печаль души врачует случай,
а он не может не найтись.

18

Еда, товарищи, табак,
потом вернусь в семью;

я был бы сволочь и дурак,
ругая жизнь мою.
19

Я заметил на долгом пути,
что, работу любя беззаветно,
палачи очень любят шутить
и хотят, чтоб шутили ответно.
20

Из тюрьмы ощутил я страну —
даже сердце на миг во мне замерло —
всю подряд в ширину и длину
как одну необъятную камеру.
21

Бог молча ждет нас. Боль в груди.
Туман. Укол. Кровать.
И жар тоски, что жил в кредит
и нечем отдавать.
22

Я ночью просыпался и курил,
боясь, что то же самое приснится:
мне машет стая тысячами крыл,
а я с ней не могу соединиться.

Прихвачен, как засосанный в трубу,
я двигаюсь без жалобы и стона,
теперь мою дальнейшую судьбу
решит пищеварение закона.

Прощай, удача, мир и негa!
Мы привыкаем ко всему;
от невозможности побега
я полюбил свою тюрьму.

У жизни человеческой на дне,
где мерзости и боль текущих бед,
есть радости, которые вполне
способны поддержать душевный свет.

Там, на утраченной свободе,
в закатных судорогах дня
ко мне уныние приходит,
а я в тюрьме, и нет меня.

Империи летят, хрустят короны,
история вершит свой самосуд,
а нам сегодня дали макароны,
а завтра – передачу принесут.

28

Когда уходит жить охота
и в горло пища не идет,
какое счастье знать, что кто-то
тебя на этом свете ждет.

29

Здесь жестко стелется кровать,
здесь нет живого шума,
в тюрьме нельзя болеть и ждать,
но можно жить и думать.

30

Что я понял с тех пор, как попался?
Очень много. Почти ничего.
Человеку нельзя без пространства,
и пространство мертво без него.

31

Мой ум имеет крайне скромный нрав,
и наглость мне совсем не по карману,

но если положить, что Дарвин прав,
то Бог создал всего лишь обезьяну.

32

Мы жизни наши ценим слишком низко,
меж тем как то медвяная, то деготь
история течет настолько близко,
что пальцами легко ее потрогать.

33

Я теперь вкушаю винегрет
сетований, ругани и стонов,
принят я на главный факультет
университета миллионов.

34

С годами жизнь пойдет налаженной
и все забудется, конечно,
но хрип ключа в замочной скважине
во мне останется навечно.

35

В любом из нас гармония живет
и в поисках, во что ей воплотиться,
то бьется, как прихваченная птица,
то пляшет и невнятицу поет.

Для райского климата райского сада,
где все зеленеет от края до края,
тепло поступает по трубам из ада,
а топливо ада – растительность рая.

Россия безнадежно и отчаянно
сложилась в откровенную тюрьму,
где бродят тени Авеля и Каина
и каждый сторож брату своему.

Был юн и глуп, ценил я сложность
своих знакомых и подруг,
а после стал искать надежность,
и резко сузился мой круг.

Душа предметов призрачна с утра,
мертва природа стульев и буфетов,
потом приходит сумерек пора,
и зыбко оживает мир предметов.

Из тюрьмы собираюсь я вновь
по пути моих предков-скитальцев;
увезу я отсюда любовь,
а оставлю оттиски пальцев.

41

Последняя ночная сигарета
потрескивает искрами костра,
комочек благодарственного света
домашним, кто прислал его вчера.

42

Бывает в жизни миг зловещий —
как чувство чуждого присутствия —
когда тебя коснутся клещи
судьбы, не знающей сочувствия.

43

Устал я жить как дилетант,
я гласу Божескому внемлю
и собираюсь свой талант
навек зарыть в Святую землю.

44

В неволе все с тобой на «ты»,
но близких вовсе нет кругом,

в неволе нету темноты,
но даже свет зажжен врагом.
45

Судьба мне явно что-то роет,
сизу на греющемся кратере,
мне так не хочется в герои,
мне так охота в обыватели!
46

Допрос был пустой, как ни бились...
Вернулся на жесткие нары.
А нервы сейчас бы сгодились
на струны для лучшей гитары.
47

В беде я прелесть новизны
нашел, утратив спесь,
и, если бы не боль жены,
я был бы счастлив здесь.
48

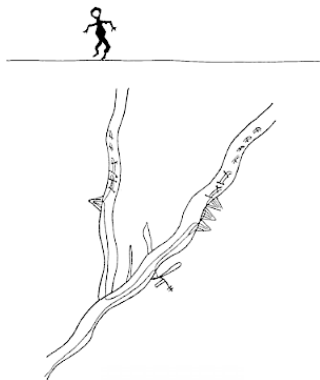
Не тем страшна глухая осень,
что выцвел, вянешь и устал,
а что уже под сердцем носим
растущий холода кристалл.

Сколько силы, тюрьма, в твоей хватке!
Мне сегодня на волю не хочется,
словно ссохлась душа от нехватки
темноты, тишины, одиночества.

50

Не требуют от жизни ничего
российского Отечества сыны,
счастливые незнанием того,
чем именно они обделены.

51

В объятьях водки и режима
лежит Россия недвижимо,

и только жид, хотя дрожит,
но по веревочке бежит.

52

Когда судьба, дойдя до перекрестка,
колеблется, куда ей повернуть,
не бойся неназойливо, но жестко
слегка ее коленом подтолкнуть.

53

Разгульно, раздольно, цветисто,
стремясь догореть и излиться,
эпохи гниют живописно,
но губельно для очевидца.

54

Зачем в герое и в ничтожестве
мы ищем сходства и различия?
Ища величия в убожестве.
Познав убожество величия.

55

В России слезы светятся сквозь смех,
Россию Бог безумием карал,
России послужили больше всех
те, кто ее сильнее презирал.

Я стараюсь вставать очень рано
и с утра для душевной разминки
сыплю соль на душевные раны
и творю по надежде поминки.

Впервые жизнь явилась мне
всей полнотой произведения:
у бытия на самом дне —
свои высоты и падения.

С утра на прогулочном дворике
лежит свежавыпавший снег
и выглядит странно и горько,
как новый в тюрьме человек.

Сижу пока под следственным давлением
в одном из многих тысяч отделений;
вдыхают прокуроры с вожделением
букет моих кошмарных преступлений.

В тюрьме я учился по жизням соседним,
сполна просветившись догадкою главной,
что надо делиться заветным последним —
для собственной пользы, неясной, но явной.

61

Жаль мне тех, кто тюрьмы не изведal,
кто не знает ее сновидений,
кто не слышал неспешной беседы
о бескрайностях наших падений.

62

Тюремная келья, монашеский пост,
за дверью солдат с автоматом,
и с утренних зорь до полуночных звезд —
молитва, творимая матом.

63

Вокруг себя едва взгляну,
с тоскою думаю холодной:
какой кошмар бы ждал страну,
где власть и впрямь была народной.

64

В тюрьме я в острых снах переживаю
такую беготню по приключениям,

как будто бы сгущенно проживаю
то время, что убито заключением.
65

Когда уход из жизни близок,
хотя не тотчас, не сейчас,
душа, предоущая вызов,
духовней делается в нас.
66

Не потому ли мне так снятся
лихие сны почти все ночи,
что Бог позвал меня на танцы,
к которым я готов не очень?
67

Всмотревшись пристрастно и пристально,
я понял, что надо спешить,
что жажда покоя и пристани
вот-вот помешает мне жить.
68

У старости есть мания страдать
в томительном полночном наваждении,
что попусту избыта благодать,
полученная свыше при рождении.

Не лезь, мой друг, за декорации —
зачем ходить потом в обиде,
что благороднейшие грации
так безобразны в истом виде.
70

Вчера сосед по нарам взрезал вены;
он смерти не искал и был в себе,
он просто очень жаждал перемены
в своей остановившейся судьбе.
71

Я скепсисом съеден и дымом пропитан,
забыта весна и растрчено лето,
и бочка иллюзий пуста и разбита,
а жизнь — наслаждение, полное света.
72

Я что-то говорю своей жене,
прищурившись от солнечного глянца,
а сын, поймав жука, бежит ко мне.
Такие сны в тюрьме под утро снятся.
73

Вот и кости ломит в непогоду,
хрипы в легких чаще и угарней;
возвращаясь в мертвую природу,
мы к живой добрей и благодарней.

74

Все, что пропустил и недоделал,
все, чем по-дурацки пренебрег,
в памяти всплывает и умело
ночью прямо за душу берет.

75

Блажен, кто хлопотлив и озабочен
и ночью видит сны, что снова день,
и крутится с утра до поздней ночи,
ловя свою вертящуюся тень.

76

Где крыша в роли небосвода —
свой дух, свой быт, своя зима,
своя печаль, своя свобода
и даже есть своя тюрьма.

77

Мое безделье будет долгим,
еще до края я не дожил,

а те, кто жизнь считает долгом,
пусть объяснят, кому я должен.
78

Наклонись, философ, ниже,
не дрожи, здесь нету бесов,
трюмы жизни пахнут жижей
от общественных процессов.
79

Курилки, подоконники, подъезды,
скамейки у акаций густолистных —
все помощи там были безвозмездны,
все мысли и советы бескорыстны.
Теперь, когда я взвешиваю слово
и всякая наивность неуместна,
я часто вспоминаю это снова:
курилки, подоконники, подъезды.
80

Чуть пожил — и нет меня на свете —
как это диковинно, однако;
воздух пахнет сыростью, и ветер
вост над могилой, как собака.
81

Весной я думаю о смерти.
Уже нигде. Уже никто.
Как будто был в большом концерте
и время брать внизу пальто.
82

По камере то вдоль, то поперек,
обдумывая жизнь свою, шагаю
и каждый возникающий упрек
восторженно и жарко отвергаю.
83

В неволе я от сытости лечился,
учился полувзгляды понимать,
с достоинством проигрывать учился
и выигрыш спокойно принимать.
84

Тюрьмой сегодня пахнет мир земной,
тюрьма сочится в души и умы,
и каждый, кто смиряется с тюрьмой,
становится строителем тюрьмы.
85

Ветреник, бродяга, вертопрах,
слушавшийся всех и никого,

лишь перед неволей знал я страх,
а теперь лишился и его.

86

В тюрьме, где ощутил свою ничтожность,
вдруг чувствуешь, смятение тая,
бессмысленность, бесцельность, безнадежность
и дикое блаженство бытия.

87

Тюрьмою наградила напоследок
меня отчизна-мать, спасибо ей,
я с радостью и гордостью изведаль
судьбу ее не худших сыновей.

88

Когда, убогие калеки,
мы устаем ловить туман,
какое счастье знать, что реки
впадут однажды в океан.

89

Здесь ни труда, ни алкоголя,
а большинству беда втройне —
еще и каторжная доля
побыть с собой наедине.

Напрасны страх, тоска и ропот,
когда судьба влечет во тьму;
в беде всегда есть новый опыт,
полезный духу и уму.

91

А часто в час беды, потерь и слез,
когда несчастья рыщут во дворе,
нам кажется, что это не всерьез,
что вон уже кричат – конец игре.

92

Всю жизнь я больше созерцал,
а утруждался очень мало,
светильник мой, хотя мерцал,
но сквозь бутыль и вполнакала.

93

Года промчатся быстрой ланью,
укроет плоть суглинка пласт,
и Бог-отец могучей дланью
моей душе по жопе даст.

94

В тюрьму я брошен так давно,
что сжился с ней, признаться честно;
в подвалах жизни есть вино,
какое воле неизвестно.

95

Какое это счастье: на свободе
со злобой и обидой через грязь
брести домой по мерзкой непогоде
и чувствовать, что жизнь не удалась.

96

Глаза упавшего коня,
огромный город без движения,
помойный чан при свете дня —
моей тюрьмы изображение.

97

Стихов довольно толстый томик,
отмычку к райским воротам,
а также свой могильный холмик
меняю здесь на бабу там!

98

В тюрьме вечерами сидишь молчаливо
и очень на нары не хочется лезть,

а хочется мяса, свободы и пива
и изредка – славы, но чаще – поесть.
99

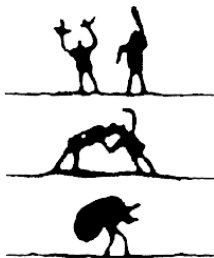
В наш век искусственного меха
и нефтью пахнувшей икры
нет ничего дороже смеха,
любви, печали и игры.
100

Тюрьма – не только боль потерь.
Источник темных откровений,
тюрьма еще окно и дверь
в пространство новых измерений.
101

В тюрьму посажен за грехи
и сторожимый мразью разной,
я душу вкладывал в стихи,
а их носил под пяткой грязной.
102

И по сущности равные шельмы,
и по глупости полностью схожи
те, кто хочет купить подешевле,
те, кто хочет продать подороже.

Взломщики, бандиты, коммунары,
взяточники, воры и партийцы —
сотни тел полировали нары,
на которых мне сейчас не спится.
Тени их проходят предо мною
кадрами одной кошмарной серии,
и волной уходят за волною
жертвы и строители империи.

Грабительство, пьяная драка,
раскража казенного груза...
Как ты незатейна, однако,
российской преступности Муза!

Все дороги России — беспутные,

все команды в России – пожарные,
все эпохи российские – смутные,
все надежды ее – лучезарные.

106

Меня не оставляет ни на час
желание кому-то доказать,
что беды, удручающие нас,
на самом деле тоже благодать.

107

Божий мир так бестрепетно ясен
и, однако, так сложен притом,
что никак и ничуть не напрасен
страх и труд не остаться скотом.

108

На улице сейчас – как на душе:
спокойно, ясно, ветрено немного,
и жаль слегка, что главная дорога,
по-видимому, пройдена уже.

109

Есть еле слышный голос крови,
наследства предков тонкий глас,
он сводит или прекословит,

когда судьба сближает нас.

110

Нет, не судьба творит поэта,
он сам судьбу свою творит,
судьба – платежная монета
за все, что вслух он говорит.

111

Вослед беде идет удача,
а вслед удачам – горечь бед;
мир создан так, а не иначе,
и обижаться смысла нет.

112

Живущий – улыбайся в полный рот
и чаще пей взбодряющий напиток;
в ком нет веселья – в рай не попадет,
поскольку там зануд уже избыток.

113

Последнюю в себе сломив твердыню
и смыв с лица души последний грим,
я, Господи, смирил свою гордыню,
смири теперь свою – поговорим.

114

Я глубже начал видеть пустоту,
и чавкающей грязи плодородность,
и горечь, что питает красоту,
и розовой невинности бесплодность.

115

Искрение, честность, метание,
нелепости взрывчатой смелости —
в незрелости есть обаяние,
которого нету у зрелости.

116

Чем нынче занят? Вновь и снова
в ночной тиши и свете дня
я ворошу золу бывшего,
чтоб на сейчас найти огня.

117

Как никакой тяжелый час,
как никакие зной и холод,
насквозь просвечивает нас
рентген души – тюремный голод.

118

Нет, не бездельник я, покуда голова

работает над пряжею певучей;
я в реки воду лью, я в лес ношу дрова,
я ветру дую вслед, гоняя тучи.

119

Вот человек. Лицо и плечи.
Тверда рука. Разумна речь.
Он инженер. Он строил печи,
чтобы себе подобных жечь.

120

Не страшно, а жаль мне подонка,
пуглив его злобный оскал,
похожий на пса и ребенка,
он просто мужчиной не стал.

121

У прошлого есть запах, вкус и цвет,
стремление учить, влиять и значить,
и только одного, к несчастью, нет —
возможности себя переиначить.

122

Двуногим овцам нужен сильный пастырь.
Чтоб яростен и скор. Жесток и ярок.
Но изредка жалел и клеил пластырь

на раны от зубов его овчарок.

123

Не спорю, что разум, добро и любовь

движение мира ускорили,

но сами чернила истории – кровь
людей, непричастных к истории.

124

Соблазн тюремных искушений

однообразен, прям и прост:

избегнуть боли и лишений,

но завести собачий хвост.

125

Пока я немного впитал с этих стен,

их духом омыт не вполне,

еще мне покуда больнее, чем тем,

кого унижают при мне.

126

До края дней теперь удержится

во мне рожденная тюрьмой

беспечность узников и беженцев,

уже забывших путь домой.

127

По давней наблюдательности личной
забавная печальность мне видна:
гавно глядит на мир оптимистичней,
чем те, кого воротит от гавна.

128

В столетии ничтожном и великом,
дивясь его паденьям и успехам,
топчусь между молчанием и криком,
мечусь между стенанием и смехом.

129

Течет апрель, водой звеня,
мир залит воздухом и светом;
мой дом печален без меня,
и мне приятно знать об этом.

130

Боюсь, что враг душевной смуты,
не мизантроп, но нелюдим,
Бог выключается в минуты,
когда Он нам необходим.

131

Везде, где наш рассудок судит верно,

выходит снисхождение и милость;
любая справедливость милосердна,
а иначе она не справедливость.

132

Вот небо показалось мне с овчину,
и в пятки дух от ужаса сорвался,
и стал я пробуждать в себе мужчину,
однако он никак не отзывался.

133

Я уношу, помимо прочего,
еще одно тюрьмы напутствие:
куда трудней, чем одиночество,
его немолчное отсутствие.

134

Не во тьме мы оставим детей,
когда годы сведут нас на нет;
время светится светом людей,
много лет как покинувших свет.

135

Неощутим и невесом,
тоской бесплотности несомый,
в тюрьму слетает частый сон

О жизни плотской и весомой.

136

Я рад, что знаю вдохновение,

оно не раз во мне жило,

оно легко, как дуновение,

и, как похмелье, тяжело.

137

Жаждающих уверовать так много,

что во храмах тесно стало вновь,

там через обряды ищут Бога,

как через соитие — любовь.

138

Как мечту, как волю, как оазис —

жду каких угодно перемен,

столько жизней гасло до меня здесь,

что тлетворна память этих стен.

139

Когда с самим собой наедине

обкуривал я грязный потолок,

то каялся в единственной вине —

что жил гораздо медленней, чем мог.

140

Мне наплевать на тьму лишений
и что меня пасет свинья,
мне жаль той сотни искушений,
которым сдаться мог бы я.

141

Волшебный мир, где ты с подругой;
женой становится невеста;
жена становится супругой,
и мир становится на место.

142

Надо жить, и единственно это
надо делать в любви и надежде;
равнодушно вращает планета
кости всех, кто познал это прежде.

143

Фортуна – это женщина, уступка
ей легче, чем решительный отказ,
а пластика просящего поступка
зависит исключительно от нас.

144

Не наблюдал я никогда

такой же честности во взорах
ни в ком за все мои года,
как в нераскаявшихся ворах.
145

Лежу на нарах без движения,
на стены сумрачно гляжу;
жизнь – это самовыражение,
за это здесь я и сижу.
146

Мы постоянно пашем пашни
или возводим своды башен,
где днем еще позавчерашним
мы хоронили близких наших.
147

Горит ночной плафон огнем вокзальным,
и я уже настолько здесь давно,
что выглядит былое нереальным
и кажется прочитанным оно.
148

Сгущается вокруг тугой туман,
а я в упор не вижу черных дней —
природный оптимизм, как талисман,

хранит меня от горя стать умней.

149

За то, что я сидел в тюрьме,
потомком буду я замечен,
и сладкой чушью обо мне
мой образ будет изувечен.

150

Мне жизнь тюрьму, как сон, послала,
так молча спит огонь в золе,
земля – надевши снежный саван,
и семя, спящее в земле.

151

Не сваливай вину свою, старик,
о предках и эпохе спор излишен;
наследственность и век – лишь черновик,
а начисто себя мы сами пишем.

152

Любовная ложь и любезная лесть,
хотя мы и знаем им цену,
однако же вновь побуждают нас лезть
на стену, опасность и сцену.

153

Поскольку предан я мечтам,
то я сижу в тюрьме не весь,
а часть витает где-то там,
и только часть ютится здесь.

154

Любовь, ударившись о быт,
скудеет плотью, как старуха,
а быт безжизнен и разбит,
как плоть, лишившаяся духа.

155

Есть безделья, которые выше трудов,
как монеты различной валюты,
есть минуты, которые стоят годов,
и года, что не стоят минуты.

156

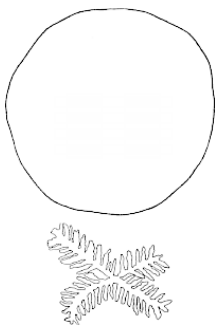
О чем ты молишься, старик?
О том, чтоб ночью в полнолуние
меня постигло хоть на миг
любви забытое безумие.

157

Нужда и несчастье, тоска и позор —

единственно верные средства,
чтоб мысли и света соткался узор,
оставшись потомку в наследство.
158

О том, что подлость заразителна
и через воздух размножается,
известно всем, но утешительно,
что ей не каждый заражается.
159

Не знаю вида я красивей,
чем в час, когда взошла луна
в тюремной камере в России
зимой на волю из окна.
160

Сижу в тюрьме, играя в прятки

с весной, предательски гнилой,
а дни мелькают, словно пятки
моей везучести былой.

161

По счастью, я не муж наук,
а сын того блажного племени,
что слышит цвет и видит звук
и осязает запах времени.

162

То ли поздняя ночь, то ли ранний рассвет.
Тишина. Полумрак. Полусон.
Очень ясно, что Бога в реальности нет.
Только в нас. Ибо мы – это Он.

163

Вчера я так вошел в экстаз,
ища для брани выражения,
что только старый унитаз
такие знает извержения.

164

Как сушат нас число и мера!
Наседка века их снесла.
И только жизнь души и хера

не терпит меры и числа.

165

Счастливый сон: средь вин сухих,
с друзьями в прениях бесплодных
за неимением дел своих
толкую о международных.

166

Нас продают и покупают,
всмотреться если – задарма:
то в лести густо искупают,
то за обильные корма.
И мы торгуемся надменно,
давась то славой, то рублем,
а все, что истинно бесценно,
мы только даром отдаем.

167

Чтоб хоть на миг унять свое
любви желание шальное,
мужик посмеет сделать все,
а баба – только остальное.

168

Как безумец, я прожил свой день,

я хрипел, мельтешил, заикался;
я спешил обогнать свою тень
и не раз об нее спотыкался.
169

Со всеми свой и внешностью как все,
я чувствую, не в силах измениться,
что я чужая спица в колесе,
которое не нужно колеснице.
170

Беды и горечи микробы
витают здесь вокруг и рядом;
тюрьма – такой источник злобы,
что всю страну питает ядом.
171

Про все, в чем убежден я был заочно,
в тюрьме поет неслышимая скрипка:
все мертвое незыблемо и прочно,
живое – и колеблемо, и зыбко.
172

Забавно слушать спор интеллигентов
в прокуренной застольной духоте,
всегда у них идей и аргументов

чуть больше, чем потребно правоте.

173

Без удержу нас тянет на огонь,
а там уже, в тюрьме или в больнице,
с любовью снится женская ладонь,
молившая тебя остановиться.

174

Как жаль, что из-за гонора и лени
и холода, гордыней подогретого,
мы часто не вставали на колени
и женщину теряли из-за этого.

175

Ростки решетчатого семени
кошмарны цепкостью и прочностью,
тюрьма снаружи – дело времени,
тюрьма внутри – страшна бессрочностью.

176

В тюрьме я понял: Божий глас
во мне звучал зимой и летом:
налей и выпей, много раз
ты вспомнишь с радостью об этом.

177

Чума, холера, оспа, тиф,
повальный голод, мор детей...
Какой невинный был мотив
у прежних массовых смертей.
178

Ругая суету и кутерьму
и скорости тугое напряжение,
я молча вспоминаю про тюрьму
и жизнь благословляю за движение.
179

В России мы сплоченней и дружней
совсем не от особенной закалки,
а просто мы друг другу здесь нужней,
чтоб выжить в этой соковыжималке.
180

А жизнь продолжает вершить поединок
со смертью во всех ее видах,
и мавры по-прежнему душат блондинок,
свихнувшись на ложных обидах.
181

Блажен, кто хоть недолго, но остался

в меняющейся памяти страны,
живя в уже покинутом пространстве
звучанием затронутой струны.

182

Едва в искусстве спесь и чванство
мелькнут, как в супе тонкий волос,
над ним и время, и пространство
смеются тотчас в полный голос.

183

Ладонями прикрыл я пламя спички,
стремясь не потревожить сон друзей;
заботливости мелкие привычки —
свидетельство живучести моей.

184

Кто-то входит в мою жизнь. И выходит.
Не стучась. И не спросивши. И всяко.
Я привык уже к моей несвободе,
только чувство иногда, что собака.

185

Суд земной и суд небесный —
вдруг окажутся похожи?
Как боюсь, когда воскресну,

я увидеть те же рожи!

186

В любом краю, в любое время,
ником тому не обучаем,
еврей становится евреем,
дыханьем предков облучаем.

187

Не зря ученые пред нами
являют наглое зазнайство;
Бог изучает их умами
свое безумное хозяйство.

188

Ночь уходит, словно тает, скоро утро.
Где-то птицы, где-то зелень, где-то дети.
Изумительный оттенок перламутра
сквозь решетки заливает наши клетки.

189

Клянусь едой, ни в малом слове
обида я не пророню,
давным-давно я сам готовил
себе тюремное меню.

190

Лишен я любимых и дел, и игрушек,
и сведены чувства почти что к нулю,
и мысли – единственный вид потаскушек,
с которыми я свое ложе делю.

191

Весной вырастают в почву палки,
Шалеют кошки и коты,
весной быки жуют фиалки,
а пары ищут темноты.
Весной тупеют лбы ученые,
и запах в городе лесной,
и только в тюрьмах заключенные
слабеют нервами весной.

192

Когда лысые станут седыми,
выйдут мыши на кошачью травлю,
в застоявшемся камерном дыме
я мораль и здоровье поправлю.

193

Среди других есть бог упрямства,
и кто служил ему серьезно,
тому и время, и пространство

сдаются рано или поздно.

194

В художнике всегда клубятся густо
возможности капризов и причуд;
искусственность причастного к искусству —
такой же чисто творческий этюд.

195

Мы постигаем дно морское,
легко летим за облака
и только с будничной тоскою
не в силах справиться пока.

196

Молчит за дверью часовой,
молчат ума и сердца клавиши,
когда б не память, что живой,
в тюрьме спокойно, как на кладбище.

197

Читая позабытого поэта
и думая, что в жизни было с ним,
я вижу иногда слова приветов,
мне лично адресованные им.

198

В туманной тьме горят созвездия,
мерцающая зыбко и недружно;
приятно знать, что есть возмездие
и что душе оно не нужно.

199

Время, что провел я в школьной пыли,
сплыло, словно капля по усам,
сплыло все, чему меня учили.
Всплыло все, чему учился сам.

200

Слегка устав от заточения,
пускаю дым под потолок;
тюрьма, хотя и заключение,
но уж отнюдь не эпилог.

201

Добру доступно все и все с руки,
добру ничто не чуждо и не странно,
окрестности добра столь велики,
что зло в них проживает невозбранно.

202

За женщиной мы гонимся упорно,

азартом распаляя обожание,
но быстро стынута радости от формы
и грустно проступает содержание.
203

Занятия, что прерваны тюрьмой,
скатились бы к бесплодным разговорам,
но женщины, не познанные мной,
стоят передо мной живым укором.
204

Язык вранья упруг и гибок
и в мыслях строго безупречен,
а в речи правды – тьма ошибок
и слог нестройностью увечен.
205

В тюрьме почти насквозь раскрыты мы,
как будто сорван прочь какой-то тормоз;
душевная распахнутость тюрьмы —
русской задушевности прообраз.
206

У безделья – особые горести
и свое расписание дня,
на одни угрызения совести

уходило полдня у меня.

207

Тюремный срок не длится вечность,
еще обнимем жен и мы,
и только жаль мою беспечность,
она не вынесла тюрьмы.

208

Среди тюремного растления
живу, слегка опавши в теле,
и сочиняю впечатления,
которых нет на самом деле.

209

Я часто изводил себя ночами,
на промахи бывшего сыпал соль;
пронзительность придуманной печали
притушивала подлинную боль.

210

Доставшись от ветхого прадеда,
во мне совместилась исконно
брезгливость к тому, что несправедно,
с азартом к обману закона.

211

Спокойно отсидевши, что положено,
я долго жить себе даю зарок,
в неволе жизнь настолько заторможена,
что Бог не засчитает этот срок.

212

В тюрьме, от жизни в отдалении,
слышнее звук душевной речи:
смысл бытия – в сопротивлении
всему, что душит и калечит.

213

Не скроешь подлинной природы
под слоем пудры и сурьмы,
и как тюрьма – модель свободы,
свобода – копия тюрьмы.

214

Не с того ль я угрюм и печален,
что за год, различимый насквозь,
ни в одной из известных мне спален
мне себя наблюдать не пришлось?

215

Держась то в стороне, то на виду,

не зная, что за роль досталась им,
есть люди, приносящие беду
одним только присутствием своим.
216

Все цвета здесь – убийственно серы,
наша плоть – воплощенная тленность,
мной утеряно все, кроме веры
в абсолютную жизни бесценность.
217

В жестокой этой каменной обители
свихнулась от любви душа моя,
И рад я, что мертвы уже родители,
и жаль, что есть любимая семья.
218

В двадцатом – веке черных гениев —
любим ветрам доступны мы,
и лишь беспечность и презрение
спасают нас в огне чумы.
219

Тюрьма, конечно, – дно и пропасть,
но даже здесь, в земном аду,
страх – неизменно верный компас,

ведущий в худшую беду.

220

Моя игра пошла всерьез —
к лицу лицом ломлюсь о стену,
и чья возьмет – пустой вопрос,
возьмет моя, но жалко цену.

221

Тюрьма не терпит лжи и фальши,
чужда словесных украшений
и в этом смысле много дальше
ушла в культуре отношений.

222

Мы предателей наших никак не забудем
и счета им предъявим за нашу судьбу,
но не дай мне Господь недоверия к людям,
этой страшной болезни, присущей рабу.

223

В тюрьме нельзя свистеть – примета
того, что годы просвистишь
и тем, кто отнял эти лета,
уже никак не отомстишь.

224

Здравствуй, друг, я живу хорошо,
здесь дают и обед, и десерт;
извини, написал бы еще,
но уже я заклеил конверт.
225

Как странно: вагонный попутчик,
случайный и краткий знакомый —
они понимают нас лучше,
чем самые близкие дома.
226

Как губка втягивает воду,
как корни всасывают сок,
впитал я с детства несвободу

и после вытравить не смог.
Мои дела, слова и чувства
свободны явно и вполне,
но дрожи рабства бродят густо
в истоков скрытой глубине.

227

Я лежу, про судьбу размышляя опять
и, конечно, – опять про тюрьму:
хорошо, когда есть по кому тосковать;
хорошо, когда нет по кому.

228

В тюрьме о кладах разговоры
текут с утра до темноты,
и нежной лаской дышат воры,
касаясь трепетной мечты.

229

Тюрьма – не животворное строение,
однако и не гибельная яма,
и жизнью наших ровное струение
журчит об этом тихо, но упрямо.

230

Сын мой, будь наивен и доверчив,

смейся, плачь от жалости слезами;
времени пылающие смерчи
лучше видеть чистыми глазами.

231

Смерть соседа. Странное эхо
эта смерть во мне пробудила:
хорошо умирать, уехав
от всего, что близко и мило.

232

Какие бы книги России сыны
создали про собственный опыт!
Но Бог, как известно, дарует штаны
тому, кто родился без жопы.

233

Тому, кто болен долгим детством,
хотя и вырос, и неглуп,
я полагал бы лучшим средством
с полгода есть тюремный суп.

234

Скудной пайкой тюремного корма
жить еврею совсем не обидно;
без меня здесь процентная норма

не была бы полна, очевидно.

235

Под каждым знаменем и флагом,
единым стянуты узлом,
есть зло, одевшееся благом,
и благо, ряженое злом.

236

Здесь очень подолгу малейшие раны
гниют, не хотят затянуться, болят,
как будто сам воздух тюрьмы и охраны
содержит в себе разлагающий яд.

237

Жизнь – серьезная, конечно,
только все-таки игра,
так что фарт возможен к вечеру,
если не было с утра.

238

Мне роман тут попался сопливый —
как сирот разыскал их отец,
и, заплакав, уснул я, счастливый,
что всплакнуть удалось наконец.

239

Беды меня зря ожесточали,
злобы и в помине нет во мне,
разве только облачко печали
в мыслях о скисающем вине.

240

Сея разумное, доброе, вечное,
лучше уйти до пришествия осени,
чтобы не видеть, какими увечными
зерна твои вырастают колосьями.

241

Под этим камнем я лежу.
Вернее, то, что было мной,
а я теперешний – сию
уже в совсем иной пивной.

242

Вчера, ты было так давно!
Часы стремглав гоняют стрелки.
Бывает время пить вино,
бывает время мыть тарелки.

243

Страшна тюремная свирепость,

а гнев безмерен и неистов,
а я лежу — и вот нелепость —
читаю прозу гуманистов.

244

Я днями молчу и ночами,
я нем, как вода и трава;
чем дольше и глубже молчанье,
тем выше и чище слова.

245

Курю я самокрутки из газеты,
боясь, что по незнанию страниц
я с дымом самодельной сигареты
вдыхаю гнусь и яд передовиц.

246

Здесь воздуха нет, и пощады не жди,
и страх в роли флага и стимула,
и ты безнадежно один на один
с Россией, сгущенной до символа.

247

Не зря из жизни вычтены года
на сонное притушенное тление,
в пути из ниоткуда в никуда

блаженны забытье и промедление.

248

Тюремные насупленные своды

весьма обогащают бытие,

неведомо дыхание свободы

тому, кто не утрачивал ее.

249

Мои душевные итоги

подбил засов дверей стальных,

я был ничуть не мягче многих

и много тверже остальных.

250

Исчерпывая времени безбрежность,

мы движемся по тающим волнам,

и страшны простота и неизбежность

того, что предстоит однажды нам.

251

Овчарка рычит. Из оскаленной пасти

то хрип вылетает, то сдавленный вой;

ее натаскали на запах несчастья,

висящий над нашей молчащей толпой.

252

Тюрьма едина со страной
в морали, облике и быте,
лишь помесь волка со свиньей
туг очевидней и открытей.

253

Не веришь – засмейся, наткнешься – не плачь:
повсюду без видов на жительство
несчастья живут на подворьях удач
и кормятся с их попустительства.

254

Чем глубже ученые мир познают,
купаясь в азартном успехе,
тем тоньше становится зыбкий уют
земной скоротечной утехи.

255

Не только непостижная везучесть
присуща вездесущей этой нации,
в евреях раздражает нас живучесть
в безвыходно крошечной ситуации.

256

Очень много смысла в мерзкой каше,

лющейся назойливо и весело:
радио дробит сознание наше
в мелкое бессмысленное месиво.

257

Мои соседи по темнице,
мои угрюмые сожители —
сентиментальные убийцы,
прекраснодушные растлители.
Они иные, чем на воле,
тут нету явственных уродов,
казна стоит на алкоголе,
а здесь — налог с ее доходов.

258

Над каждым из живущих — вековые
висят вопросы жизни роковые,
и правильно, боюсь я, отвечает
лишь тот, кто их в упор не замечает.

259

В камере, от дыма серо-синей,
тонешь, как в запое и гульбе,
здесь я ощутил себя в России
и ее почувствовал в себе.

260

Мои духовные запросы,
гордыня, гонор и фасон
быстрей, чем дым от папиросы,
в тюрьме рассеялись, как сон.
261

Наука – та же кража: в ней,
когда всерьез творишь науку,
чем глубже лезешь, тем трудней
с добычей вместе вынуть руку.
262

Как есть забвенье в алкоголе,
как есть в опасности отрада,
есть обаяние в неволе
и в боли странная услада.
263

Тюрьма – полезное мучение,
не лей слезу о происшедшем,
судьба дарует заточение
для размышлений о прошедшем.
264

Тюрьма весьма обогащает

наш опыт игр и пантомим,
но чрезвычайно сокращает
возможность пользоваться им.

265

Тюрьма к истерике глуха,
тюрьма – земное дно,
здесь опадает шелуха
и в рост идет зерно.

266

Российские цепи нелепы,
убоги и ржавы, но мы
уже и растленны, и слепы,
чтоб выйти за стены тюрьмы.

267

Кем-то проклята, кем-то воспета,
но в тюрьме, обиталище зла,
сколько жизней спасла сигарета,
сколько лет скоротать помогла!

268

Я жил сутуло, жил невнятно
и ни на что уже не в силах;
тюрьма весьма благоприятна

для освеженья крови в жилах.

269

В тюрьме тоска приходит волнами,
здесь не рыдают, не кричат,
лишь острой болью переполнены,
темнеют, никнут и молчат.

270

Когда небо в огне и дожде
и сгущаются новые тучи,
с оптимистами легче в беде;
но они и ломаются круче.

271

Есть время, когда нам необходимо
медлительное огненное тление,
кишение струящегося дыма
и легкое горчащее забвение.

272

Рыцари бесстрашия и риска,
выйдя из привычной темноты,
видимые явственно и близко —
очень часто трусы и скоты.

273

Я всякое начальство наше гордое
исследовал, усилий не жалея:
гавно бывает жидкое и твердое,
и с жидким – несравненно тяжелее.

274

За то судьбой, наверно, сунут я
в компанию насильника и вора,
что дивную похлебку бытия
прихлебывал без должного разбора.

275

Как вехи тянувшихся суток
ползут утра и вечера.
Зима души. Зима рассудка.
Зима всего, чем жил вчера.

276

Пойдет однажды снова брат на брата,
сопьется с чистой кровью кровь злодея,
и снова будет в этом виновата
высокая и светлая идея.

277

Чтобы мечта о часе странствий

могла и греть и освежать,
душа нуждается в пространстве,
откуда хочется бежать.

278

Пришлось отказаться от массы привычек,
любезных для тела, души и ума,
теперь я лишь строчка сухих рапортичек
о том, что задумчив и скрытен весьма.

279

Утешаясь в тюремные ночи,
я припомнил, как бурно я жил —
срок мой будет намного короче
многих лет, кои я заслужил.

280

Судьба послала мне удачу —
спасибо, замкнутая дверь:
что я хочу, могу и значу,
сполна обдумаю теперь.

281

Вчера смеявшийся до колик,
терпеть не могущий ошейник,
теперь — тюремный меланхолик

наш закупоренный мошенник.

282

На свете сегодня так тихо,
а сердце так бьется и скачет,
что кажется – близится Тиха,
богиня случайной удачи.

283

А ночью стихает трущоба,
укрытая в каменном здании,
и слышно, как копится злоба —
в рассудке, душе и сознании.

284

В эпохах, умах, коридорах,
где разум, канон, габарит,
есть области, скрывшись в которых,
разнузданный хаос царит.

285

Снова ночь. Гомон жизни затих.
Где-то пишет стукач донесение.
А на скрипке нервишек моих
память вальсы играет осенние.

286

Забавно жить среди огней
сторожевого освещения,
и мавзолеей души моей
пока закрыт для посещения.

287

Я только внешне сух и сдержан,
меня беда не затравила,
тюрьма вернула жизни стержень
и к жизни вкус возобновила.

288

Есть в позднем сумраке минуты,
когда густеет воздух ночи,
и тяжкий гул душевной смуты
тоской предчувствий разум точит.

289

Какие прекрасные русские лица!

Какие раскрытые ясные взоры!

Грабитель. Угонщик. Насильник. Убийца.

Раствитель. И воры, и воры, и воры.

Я восхищен, мой друг Фома,
твоим божественным устройством;
кому Господь не дал ума,
тех наградил самодовольством.
291

Забыт людьми, оставлен Богом,
сiju, кормясь казенной пищей,
моим сегодняшним чертогам
не позавидует и нищий.
Судьба, однако же, права,
я заслужил свое крушение,
и тень Вийона Франсуа
ко мне приходит в утешение.
292

Уже при слове «махинация»,
от самых звуков этих славных
на ум сей миг приходит нация,
которой нету в этом равных.
293

Кого постигло обрезание,
того не мучает неволя,
моя тюрьма – не наказание,

а историческая доля.

294

Что мне сказать у двери в рай,
когда душа покинет тело?

Я был бездельник и лентяй,
но потому и зла не делал.

295

Тюрьма – не простое скопление людей,
отстойник угарного сброда,
тюрьма – воплощение смутных идей,
зовущихся духом народа.

296

Хилые и рвущиеся сети
ловят мелюзгу и оборванцев,
крупную акулу здесь не встретить,
ибо рыбаки ее боятся.

297

Тюрьма – условное понятие,
она тосклива для унылых,
души привычное занятие
остановить она не в силах.

298

Уже я за решеткой столько времени,
что стал и для охраны словно свой:
спасая честь собачьего их племени,
таскал мне сигареты часовой.

299

Что мне не выйти из беды,
я точно высчитал и взвесил;
вкусивши ясности плоды,
теперь я снова тверд и весел.

300

Надежны тюремные стены.
Все прочно, весомо, реально.
Идея разумной системы
в тюрьме воплотилась буквально.

301

Когда все, что имели, растратили
и дошли до потери лица,
начинают любить надзирателей,
наступает начало конца.

302

На папертях оставшихся церквей

стоят, как на последних рубежах,
герои легендарных давних дней,
забытые в победных дележах.

303

Удачей, фартом и успехом
не обольщайся спозаранку,
дождись, покуда поздним эхом
тебе не явит их изнанку.

Я опыт собственный на этом
имею, бедственный еврей,
о чем пишу тебе с приветом
из очень дальних лагерей.

304

Убийцы, воры и бандиты —
я их узнал не понаслышке —
в тюрьме тихони, эрудиты
и любопытные мальчишки.

305

Со всем, что знал я о стране,
в тюрьме совпала даже малость;
все, что писал я о тюрьме,
банальной былью оказалось.

306

Дерзостна, лукава, своевольна —
даже если явна и проста —
истина настолько многослойна,
что скорей капуста, чем кристалл.
307

Кто с войной в Россию хаживал,
тем пришлось в России туго,
а мы сломим силу вражью
и опять едим друг друга.
308

Когда народом завладели
идеи благостных романтиков,
то даже лютые злодеи
добрее искренних фанатиков.
309

За стенкой человека избивают,
а он кричит о боли и свободе,
но силы его явно убывают,
и наши сигареты на исходе.
310

Ветрами осени исколота,

летит листва на нашу зону,
как будто льются кровь и золото
с деревьев, сдавшихся сезону.

А в зоне все без перемен,
вращенье суток нерушимо,
и лишь томит осенний тлен,
припев к течению режима.

311

Достаточен любой случайный стих,
чтоб запросто постичь меня до дна:
в поверхностных писаниях моих
глубокая безнравственность видна.

312

Прогресс весьма похож на созидание,
где трудишься с настойчивостью рьяной,
мечтаешь – и выстраиваешь здание
с решетками, замками и охраной.

313

Вслушиваясь в музыку событий,
думая о жизни предстоящей,
чувствую дрожанье тонкой нити,
еле-еле нас еще держащей.

314

Только у тюрьмы в жестокой пасти
понял я азы простой науки:
злоба в человеке – дочь несчастья,
сытой слепоты и темной скуки.

315

Тем интересней здесь, чем хуже.
Прости разлуку мне, жена,
в моей тюрьме, как небо в луже,
моя страна отражена.

316

Страшно, когда слушаешь, как воры
душу раскрывают сгоряча:
этот – хоть немедля в прокуроры,
а в соседе – зрелость палача.

317

Когда мы все поймем научно
и все разумно объясним,
то в мире станет жутко скучно,
и мы легко простимся с ним.

318

Живу, ничуть себя не пряча,

но только сумрачно и молча,
а волки лают по-собачьи
и суки скалятся по-волчьи.
319

Мы по жизни поем и пляшем,
наслаждаясь до самой смерти,
а грешнее ангелов падших —
лишь раскаявшиеся черти.
320

Дух нации во мне почти отсутствовал.
Сторонник лишь духовного деления,
евреем я в тюрьме себя почувствовал
по духу своего сопротивления.
321

Путь из рабства мучительно сложен
из-за лет, когда зрелости ради
полежал на прохвостовом ложе
воспитания, школы и радио.
322

А Божий гнев так часто слеп,
несправедлив так очевидно,
так беспричинен и нелеп,

что мне порой за Бога стыдно.

323

Спящий беззащитен, как ребенок,
девственно и трогательно чист,
чмокает губами и спросонок
куксится бандит-рецидивист.

324

Когда попал под колесо
судебной пыточной машине,
тюрьма оправдывает все,
чем на свободе мы гршили.

325

Боюсь, что проявляется и тут
бездарность социальных докторов:
тюрьма сейчас – отменный институт
для юных и неопытных воров.

326

Вселяясь в тело, словно в дом,
и плоти несколько чужая,
душа бессмертна только в том,
кто не убил ее, мужая.

327

Как еврею ящик запереть,
если он итог не подытожит?
Вечный Жид не может умереть,
так как получить долги не может.
328

Познания плоды настолько сладки,
а дух научный плотски так неистов,
что многие девицы-психопатки
ученых любят больше, чем артистов.
329

Мой друг рассеян и нелеп,
смешны глаза его шальные;
кто зряч к невидимому – слеп
к тому, что видят остальные.
330

Нет исцеления от страсти
повелевать чужой судьбой,
а испытывший сладость власти
уже не властен над собой.
331

Жажда жизни во мне окрепла,

и рассудок с душой в союзе,
и посыпано темя пеплом
от сгоревших дотла иллюзий.

332

Поблеклость глаз, одряблость щек,
висящие бока —
я часто сам себе смешон,
а значит — жив пока.

333

Все значимо, весомо в нашей жизни,
и многое, что нынче нипочем,
когда-нибудь на пьяной шумной тризне
друзья оценят вехой и ключом.

334

Сколько раз мне память это пела
в каменном гробу тюремных плит:
гаснет свет, и вспыхивает тело,
и душа от нежности болит.

335

Судьба нам посылает лишь мотив,
неслышимой мелодии струю,
и счастлив, кто узнал и ощутил

пожизненную музыку свою.

336

Познать наш мир – не означает ли
постичь Создателя его?

А этим вольно и нечаянно
мы посягаем на Него.

337

Неволя силу уважает
с ее моралью немудрящей,
и слабый сильных раздражает
своей доступностью дразнящей.

338

В эпохи покоя мы чувствами нищи,
к нам сытость приходит, и скука за ней;
в эпохи трагедий мы глубже и чище,
и музыка выше, и судьбы ясней.

339

Жаль, натура Бога скуповата,
как торговка в мелочной палатке:
старость – бессердечная расплата
за года сердечной лихорадки.

340

Тоска и жажда идеала
Россию нынче обуяла:
чтоб чист, высок, мечтой дышал,
но делать деньги не мешал.

341

Я уверен, что любая галерея
фотографий выдающихся людей
с удовольствием купила бы еврея,
не имеющего собственных идей.

342

Ни болтуном, ни фарисеем
я не сидел без дел в углу,
я соль сажал, и сахар сеял,
и резал дымом по стеклу.

343

В жизни надо делать перерывы,
чтобы выключаться и отсутствовать,
чтобы много раз, покуда живы,
счастье это заново почувствовать.

344

Не так обычно страшен грех,
как велико предубеждение,
и кто раскусит сей орех,
легко вкушает наслаждение.

345

Отцы сидят в тюрьме за то, что крали,
а дети станут воры без отцов.
Об этой чисто басенной морали
подумает ли кто в конце концов?

346

Что в раю мы живем голубом
и что каждый со всеми согласен,
я готов присягнуть на любом
однотомнике сказок и басен.

347

Все мысли бродят летом по траве

и плещутся в реке под синим небом,
цветут у нас ромашки в голове,
и поле колосится юным хлебом.

348

Ушли в былое плоти танцы,
усладам тела дан отбой,
душа оделась в жесткий панцирь
и занялась самой собой.

349

Увы, казенная казна
порой тревожит наши чувства
ничуть не меньше, чем козла
тревожит сочная капуста.

350

Те, кто грешил в раю земном,
но грех судил в других,
в аду разжеванным гавном
плюют в себя самих.

351

Боюсь, что в ежедневной суматохе,
где занят и размерен каждый час,
величие вершащейся эпохи

неслышно и невидимо для нас.

352

Легко найти, душой не дорожа,
похожести зверинца и тюрьмы,
но в нашем зоопарке сторожа
куда зверообразнее, чем мы.

353

Я много лет себе же самому
пишу, хочу сказать, напоминаю:
столь занят я собой лишь потому,
что темы интересней я не знаю.

354

Неважно, что хожу я в простачках
и жизнь моя сумятицей заверчена:
душа моя давно уже в очках,
морщиниста, суха и недоверчива.

355

Проворны и успешливы во многом,
постигшие и цены, и размерность,
евреи торговали даже с Богом,
продав Ему сомнительную верность.

356

Посажен в почву, как морковка,
я к ней привык уже вполне,
моей морали перековка
нужна кому-то, но не мне.
357

О счастье жить под общим знаменем
я только слышал и читал,
поскольку всем земным слияниям
весь век любовь предпочитал.
358

Здесь мысли о новом потопе
назойливы, как наваждение:
в подвале гниющих утопий
заметней его зарождение.
359

Столько бы вина моя ни весила
на весах у Страшного Суда,
лучше мне при жизни будет весело,
нежели неведомо когда.
360

Все меньше находок и больше потерь,

устала фартить моя карта,
и часто мне кажется странным теперь,
что столько осталось азарта.

361

Вдыхаю день за днем тюремный яд
и впитываю тлена запах прелый;
конечно, испытания взрослят,
но я прекрасно жил и незрелый.

362

Страшнее всего в этой песенке,
что здесь не засовы пудовые,
а нас охраняют ровесники,
на все по приказу готовые.

363

Что нас ведет предназначение,
я понял в келье уголовной:
душе явилось облегчение
и чувство жизни полнокровной.

364

Остаться неизменным я пытаюсь,
я прежнего себя в себе храню,
но реже за огонь теперь хватаюсь,

и сдержанней влечение к огню.

365

Прекрасный сказочный мотив
звучит вокруг на каждой лире,
и по душе нам этот миф,
что мир возможен в этом мире.

366

В России преследуют всякую речь,
которая трогает раны,
но память, которую стали стеречь,
гниет под повязкой охраны.

367

В тюрьме весной почти не спится,
одно и то же на уме —
что унеслась моя синица,
а мой журавль еще в тюрьме.

368

Я в шахматы играл до одурения,
от памяти спасаясь и тоски,
уроками атаки и смирения
заимствуясь у шахматной доски.

369

Как обезумевший игрок,
всецело преданный азарту,
я даже свой тюремный срок
стихами выставил на карту.

370

Поют в какой-то женской камере,
поют навзрыд – им так поется!
И всюду стихли, смолкли, замерли,
и только песня раздается.

371

Колеса, о стыки стуча неспроста,
мотив извлекают из рельса:
держись и крепись, впереди темнота,
пока ни на что не надейся.

372

Смешны слова про равенство и братство
тому, кто, проживя с любой толпой,
почувствует жестокость и злорадство
в покорной немоте ее тупой.

373

Кому судьбой дарована певучесть,

кому слышна души прямая речь,
те с легкостью несут любую участь,
заботясь только музыку сберечь.

374

Клянусь я прошлогодним снегом,
клянусь трухой гнилого пня,
клянусь врагов моих ночлегом —
тюрьма исправила меня.

375

Ломоть хлеба, глоток и затяжка,
и опять нам беда не беда;
ах, какая у власти промашка,
что табак у нас есть и еда.

376

Я понял это на этапах
среди отбросов, сора, шлаков:
беды и боли горький запах
везде и всюду одинаков.

377

Снова путь и железная музыка
многорельсовых струн перегона,
и глаза у меня — как у узника,

что глядит за решетку вагона.

378

И тюрьмы, и тюрьмы – одна за другой,
и в каждой – приют и прием,
и крутится-вертится шар голубой,
и тюрьмы, как язвы, на нем.

379

Веди меня, душевная сноровка,
гори, моя тюремная звезда,
от Бога мне дана командировка,
я видеть и понять пришел сюда.

380

Я взвесил пристально и строго
моей души материал:
Господь мне дал довольно много,
но часть я честно растерял,
а часть усохла в небрежении,
о чем я несколько грущу
и в добродетельном служении
остатки по ветру пущу.
Минуют сроки заточения,
свобода поезд мне подкатит,
и я скажу: «Мое почтение!» —

входя в пивную на закате.

Подкинь, Господь, стакан и вилку,

и хоть пошли опять в тюрьму,

но тяжелее, чем бутылку,

отныне я не подниму.

381

Загорск – Волоколамск – Ржев – Калуга —

Рязань – Челябинск – Красноярск

79–80 гг.

В лагере я стихов не писал, там я писал прозу.

СИБИРСКИЙ ДНЕВНИК

часть первая

Судьбы моей причудливое устье
внезапно пролегло через тюрьму
в глухое, как Герасим, захоlustье,
где я благополучен, как Муму.
382

Все это кончилось, ушло,
исчезло, кануло и сплыло,
а было так нехорошо,
что хорошо, что это было.
383

Живя одиноко, как мудрости зуб,
вкушаю покоя отраду:
лавровый венок я отправил на суп,
терновый – расплел на ограду.
384

Приемлю тяготы скитаний,
ничуть не плачась и не ноя,
но рад, что в чашу испытаний
теперь могу подлить спиртное.

Все смоем дождь. Огонь очистит.

Покроет снег. Сметут ветра.

И сотни тысяч новых истин

на месте умерших вчера

386 взойдут надменно.

С тех пор как я к земле приник,

я не чешу перстом в затылке,

я из дерьма сложил парник,

чтоб огурец иметь к бутылке.

387

Живу, напевая чуть слышно,

беспечен, как зяблик на ветке,

расшиты богато и пышно

мои рукава от жилетки.

388

Навряд ли кто помочь друг другу может,

мы так разобщены на самом деле,

что даже те, кто делит с нами ложе,

совсем не часто жизни с нами делят.

389

Я – ссыльный, пария, плебей,

изгой, затравлен и опаслив,
и не пойму я, хоть убей,
какого хера я так счастлив.

390

Я странствовал, гостил в тюрьме, любил,
пил воздух, как вино, и пил вино, как воздух,
познал азарт и риск, богат недолго был
и вновь бездонно пуст. Как небо в звездах.

391

Я клянусь всей горечью и сладостью
бытия прекрасного и сложного,
что всегда с готовностью и радостью
отзовусь на голос невозможного.

392

Не соблазняясь жирным кусом,
любим распахнут заблуждениям,
в несчастья дни я жил со вкусом,
а в дни покоя – с наслаждением.

393

Я снизил бытие свое до быта,
я весь теперь в земной моей судьбе,
и прошлое настолько мной забыто,

что крылья раздражают при ходьбе.

394

Я, по счастью, родился таким,
и устройство мое – дефективно:
мне забавно, где страшно другим,
и смешно даже то, что противно.

395

Мне очень крепко повезло:
в любой тюрьме, куда ни денете,
мое пустое ремесло
нужды не знает в инструменте.

396

Мне кажется, она уже близка —
расплата для застрявших здесь, как дома:
всех мучает неясности тоска,
а ясность не бывает без погрома.

397

Когда в душе тревога, даже стены,
в которых ты укрылся осторожно,
становятся пластинами антенны,
сигналищей, что все кругом тревожно.

398

Настолько я из разных лоскутков
пошит нехорошо и окаянно,
что несколько душевных закутков
другим противоречат постоянно.
399

Откуда ты, вечерняя тоска?
Совсем еще не так уже я стар.
Но в скрежете гармонию искал
и сам себя с собой мирить устал.
400

Я вернулся другим – это знает жена,
что-то прочно во мне заторможено,
часть бывшего меня тем огнем сожжена,
часть другая – тем льдом обморожена.
401

Порядка мы жаждем! Как формы для теста.
И скоро мясной мускулистый мессия
для миссии этой заступит на место,
и снова, как встарь, присмирееет Россия.
402

Когда уходил я, приятель по нарам,

угрюмый охотник, таежный медведь:
– Послушай, – сказал мне, – сидел ты не даром,
не так одиноко мне было сидеть.

403

Всех, кто встретился мне на этапах
(были всякие – чаще с надломом),
отличал специфический запах —
дух тюрьмы, становящейся домом.

404

На солнце снег лучится голубой,
и странно растревожен сонный разум,
я словно виноват перед тобой,
я словно, красота, тебе обязан.

405

Кочевник я. Про все, что вижу,
незамедлительно пою,
и даже говный прах не ниже
высоких прав на песнь мою.

406

Когда я буду немощным и хворым,
то смерть мою хотел бы встретить я
с друзьями – за вином и разговором

о бренности мирского бытия.

407

Мы бы не писали и не пели,
все бы только ржало и мычало,
если бы Россия с колыбели
будущие песни различала.

408

Случайно мне вдруг попадается слово,
другими внезапными вдруг обрастает,
оно – только семя, кристаллик, основа,
а стих загустеет – оно в нем растет.

409

Ночью мне приснился стук в окошко.
Быстрым был короткий мой прыжок.
Это банку лапой сбила кошка.
Слава Богу – рукопись не сжег.

410

Мне не жаль моих азартных дней,
ибо жизнь полна противоречий:
чем она разумней, тем бедней,
чем она опасней, тем беспечней.

411

Есть время жечь огонь и сталь ковать,
есть время пить вино и мять кровать;
есть время (не ума толчок, а сердца)
поры перекурить и осмотреться.

412

По здравому, трезвому, злому суждению
Творец навсегда завещал молчаливо
бессилие – мудрости, страсть – заблуждению
и вечную смену прилива-отлива.

413

Мир так непостоянен, сложен так
и столько лицедействует обычно,
что может лишь подлец или дурак
о чем-нибудь судить категорично.

414

О девке, встреченной однажды,
подумал я со счастьем жажды.
Спадут ветра и холода —
опять подумаю тогда.

415

Что мне в раю гулянье с арфой

и в сонме праведников членство,
когда сегодня с юной Марфой
вкушу я райское блаженство?
416

Ко мне порой заходит собеседник,
неся своих забот нехитрый ворох,
бутылка – переводчик и посредник
в таких разноязыких разговорах.
417

Брожу вдоль древнего тумана,
откуда ветвь людская вышла;
в нас есть и Бог, и обезьяна;
в коктейле этом – тайны вишня.
418

Может быть, разумней воздержаться,
мысленно затрагивая небо?
Бог на нас не может обижаться,
ибо Он тогда бы Богом не был.
419

От бессилия и бесправия,
от изжоги душевной путаницы
со штанов моего благонравия

постепенно слетают пуговицы.

420

Как лютой крепости пример,
моей душою озабочен,
мне друг прислал моржовый хер,
чтоб я был тверд и столь же прочен.

421

Мы чужие здесь. Нас лишь терпят.
А мерзавец, подлец, дурак
и слепые, что вертят вертел, —
плоть от плоти свои. Как рак.

422

Нынче это глупость или ложь —
верить в просвещение, по-моему,
ибо что в помои ни вошьешь —
теми же становится помоями.

423

Что ни день – обнажившись по пояс,
я тружусь в огороде жестоко,
а жена, за мой дух беспокоясь,
мне читает из раннего Блока.

424

Предаваясь пиршественным возгласам,
на каком-то начальном стакане
вдруг посмотришь, кем стали мы с возрастом,
и слова застревают в гортани.

425

Завари позабористей чай,
и давай себе душу погреем;
это годы приносят печаль,
или мы от печали стареем?

426

Когда сорвет беда нам дверь с петель
и новое завертит нас ненастье,
то мусор мелочей сметет метель,
а целое запомнится как счастье.

427

Отъявленный, заядлый и отпетый,
без компаса, руля и якорей
прожил я жизнь, а памятником ей
останется дымок от сигареты.

428

Один я. Задернуты шторы.
А рядом, в немой укоризне,
бесплотный тот образ, который
хотел я сыграть в этой жизни.

429

Даже в тесных объятьях земли
буду я улыбаться, что где-то

бесконвойные шутки мои
каплют искорки вольного света.
430

Вечно и везде – за справедливость
длится непрерывное сражение;
в том, что ничего не изменилось, —
главное, быть может, достижение.
431

За периодом хмеля и пафоса,
после взрыва восторга и резвости
неминуема долгая пауза —
время скепсиса, горечи, трезвости.
432

Здесь – реликвии. Это святыни.
Посмотрите, почтенные гости.
Гости смотрят глазами пустыми,
видят тряпки, обломки и кости.
433

Огонь и случай разбазарили
все, чем надменно я владел,
зато в коротком этом зареве
я лица близких разглядел.

434

Спасибо организму, корпус верный
устойчив оказался на плаву,
но все-таки я стал настолько нервный,
что вряд ли свою смерть переживу.

435

Мы многих в нашей жизни убиваем —
незримо, мимоходом, деловито;
с родителей мы только начинаем,
казня их простодушно и открыто.

436

Всему ища вину вовне,
я злился так, что лез из кожи,
а что вина всегда во мне,
я догадался много позже.

437

Порой оглянешься в испуге,
бег суеты притормозя:
где ваши талии, подруги?
где наша пламенность, друзья?

438

Сегодня дышат легче всех
лишь волк да таракан,
а нам остались книги, смех,
терпенье и стакан.

439

Плоды тысячелетнего витийства
создали и залог, и перспективы
того, что в оправдание убийства
всегда найдутся веские мотивы.

440

Хоть я живу невозмутимо,
но от проглоченных обид
неясно где, но ощутимо
живот души моей болит.

441

Грусть подави и судьбу не гневи
глупой тоской пустяковой;
раны и шрамы от прежней любви —
лучшая почва для новой.

442

Целый день читаю я сегодня,
куча дел забыта и заброшена,

в нашей уцененной преисподней
райское блаженство очень дешево.
443

Потоком талых вод омыв могилы,
весна еще азартней потекла,
впитавши нерастраченные силы
погибших до пришествия тепла.
444

Когда по голым душам свищет хлыст
обмана, унижений и растреления,
то жизнь сама в себе имеет смысл:
бессмысленного, но сопротивления.
445

Этот образ – чужой, но прокрался не зря
в заготовки моих заповедных стихов,
ибо в лагере впрямь себя чувствовал я,
как живая лиса в магазине мехов.
446

Я уже неоднократно замечал
(и не только под влиянием напитков),
что свою по жизни прибыль получал
как отчетливое следствие убытков.

Душа не в теле обитает,
и это скоро обнаружат;
она вокруг него витает
и с ним то ссорится, то дружит.

Листая лагерей грядущий атлас,
смотря о нас кино грядущих лет,
пришедшие вослед пускай простят нас,
поскольку, что поймут – надежды нет.

Мы сами создаем и творим
и счастье, и нелепость, и засранство,
за что потом судьбу благодарим
и с жалобами тычемся в пространство.

Когда, отказаться не вправе,
мы тонем в друзьях и приятелях,
я горестно думаю: Авель
задушен был в братских объятиях.

За годом год я освещу
свой быт со всех сторон,
и только жаль, что пропущу
толкучку похорон.

452

Все говорят, что в это лето
продукты в лавках вновь появятся,
но так никто не верит в это,
что даже в лете сомневаются.

453

И мучит блудных сыновей
их исподлобья взгляд обратный:
травы могил, дома друзей
и общий фон, уже невнятный.

454

Из тупика в тупик мечась,
глядишь — и стали стариками;
светла в минувшем только часть —
дорога между тупиками.

455

Бог молчит совсем не из коварства,
просто у него своя забота:

имя его треплется так часто,
что его замучила икота.

456

Летит по жизни оголтело,
бредет по грязи не спеша
мое сентябрьское тело,
моя апрельская душа.

457

Чем пошлей, глупей и примитивней
фильмы о красивости страданий,
тем я плачу гуще и активней
и безмерно счастлив от рыданий.

458

В чистилище – дымно, и вобла, и пена;
чистилище – вроде пивной;
душа, закулив, исцеляет степенно
похмелье от жизни земной.

459

Тоска и лень пришли опять
и курят мой табак уныло;
когда б я мог себя понять,
то и простить бы легче было.

460

Жизни плотоядное соцветие,
быта повседневная рутина,
склеив и грехи, и добродетели,
держат нас, как муху – паутина.
461

Земля весной сыра и сиротлива,
но вскоре, чуть закутавшись в туман,
открыто и безгрешно-похотливо
томится в ожидании семян.
462

Ничтожно мелкое роение
надежд, мыслишек, опасений —
меняет наше настроение
сильней вселенских потрясений.
463

Не знаю, кто диктует жизнь мою —
крылат он или мелкий бес хромой,
но почерк непрестанно узнаю —
корявый и беспутный, лично мой.
464

Сытным хлебом и зрелищем дивным
недовольна широкая масса.
Ибо живы не хлебом единым!
А хотим еще водки и мяса.
465

Навряд ли наука найдет это место,
и чудом останется чудо.
Откуда берутся стихи – неизвестно.
А искры из камня – откуда?
466

Душа лишается невинности
гораздо ранее, чем тело;
во всех оплошностях наивности —
она сама того хотела.
467

Прихоти, чудачества, капризы —
это честь ума не умаляет,
это для самой себя сюрпризы
грустная душа изготавливает.
468

Я ведал много наслаждений,
высоких столь же, сколь и низких,

и сладострастье сновидений —
не из последних в этом списке.
469

По капелькам, кусочкам и крупичкам
весь век мы жадно ловим до кончины
осколки той блаженности, что снится,
когда во сне ликуешь без причины.
470

Средь шумной жизненной пустыни,
где страсть, и гонор, и борение,
во мне достаточно гордыни,
чтобы выдерживать смирение.
471

А жизнь летит, и жить охота,
и слепо мечутся сердца
меж оптимизмом идиота
и пессимизмом мудреца.
472

Раскрылась доселе закрытая дверь,
напиток познания сладок,
небесная высь — не девица теперь,
и больше в ней стало загадок.

473

Почти старик, я робко собираюсь
кому-нибудь печаль открыть свою,
что взрослым я всего лишь притворяюсь
и очень от притворства устаю.

474

Друзья мои живость утратили,
угрюмыми ходят и лысыми,
хоть климат наш так замечателен,
что мыши становятся крысами.

475

Серость побеждает незаметно,
ибо до поры ютится к стенкам,
а при этом гибко разноцветна
и многообразна по оттенкам.

476

Что ни год, без ошибок и промаха
в точный срок зацветает черемуха,
и царит оживленье в природе,
и друзья невозвратно уходят.

477

На свете есть таинственная власть,
ее дела кромешны и сугубы,
и в мистику никак нельзя не впасть,
когда болят искусственные зубы.

478

Духом прям и ликом симпатичен,
очень я властям своим не нравлюсь,
ибо от горбатого отличен
тем, что и в могиле не исправлюсь.

479

Нет, будни мои вовсе не унылы,
и жизнь моя, терпимая вполне,
причудлива, как сон слепой кобылы
о солнце, о траве, о табуне.

480

Сладок сахар, и соль солона,
пью, как пил, и живу не напрасно,
есть идеи, желанна жена,
и безумное время прекрасно.

481

Когда в душе царит разруха —
не огорчайся, выжди срок:

бывает время линьки духа,
его мужания залог.

482

Впечатывая в жизнь свои следы,
не жалуясь, что слишком это сложно;
не будь сопротивления среды —
движенье б оказалось невозможно.

483

За веком век уходит в никуда,
а глупости и бреда нет конца;
боюсь, что наша главная беда —
иллюзия разумности Творца.

484

Вчера я жизнь свою перебирал,
стихов лаская ветхие листки,
зола и стружки – мой материал,
а петь мечтал – росу и лепестки.

485

К приятелю, как ангел-утешитель,
иду залить огонь его тоски,
а в сумке у меня – огнетушитель
и курицы вчерашние куски.

Бездарный в акте обладания
так мучим жаждой наслаждений,
что утолят его страдания
лишь факты новых овладений.

487

Огонь печи, покой и тишина.
Грядущее и зыбко, и тревожно.
А жизнь, хотя надежд и лишена,
однако же совсем не безнадежна.

488

Я часто вижу жизнь как сцену,
где в одиночку и гуртом
всю жизнь мы складываем стену,
к которой ставят нас потом.

489

Блаженны, кто жизнь принимает всерьез,
надеются, верят, стремятся,
куда-то спешат и в жару, и в мороз,
и сны им свирепые снятся.

490

С возрастом отчетливы и странны
мысли о сложившейся судьбе:
все ловушки, ямы и канканы —
только сам устраивал себе.

491

Зря ты, Циля, нос повесила:
если в Хайфу нет такси,
нам опять живется весело
и вольготно на Руси.

492

Когда я оглохну, когда слепота
запрет меня в комнатный ящик,
на ошупь тогда бытия лепота
мне явится в пальцах дрожащих.

493

Ты со стихов иметь барыш,
душа корыстная, хотела?
И он явился: ты паришь,
а снег в Сибири топчет тело.

494

Я тогу – на комбинезон
сменил, как некогда Овидий

(он также Публий и Назон),
что сослан был и жил в обиде,
весь день плюя за горизонт,
и умер, съев несвежих мидий.
495

Слаб и грешен, я такой,
утешаюсь каламбуром,
нету мысли под рукой —
не гнушаюсь калом бурым.
496

То ли такова их душ игра,
то ли в этом видя к цели средство,
очень любят пыток мастера
с жертвой похотливое кокетство.
497

Приятно думать мне в Сибири,
что жребий мой совсем не нов,
что я на вечном русском пире
меж лучших – съеденных – сынов.
498

Мне, судя по всему, иным не стать,
меня тюрьма ничуть не изменила,

люблю свою судьбу пощекотать,
и, кажется, ей тоже это мило.
499

Боюсь, что жар и горечь судеб наших
покажется грядущим поколениям
разнежившейся рыхлой простоквашей,
политой переслащенным вареньем.
500

И мысли, и дыхание, и тело,
и дух, в котором живости не стало, —
настолько все во мне отяжелело,
что только не хватает пьедестала.
501

Меня растащат на цитаты
без никакой малейшей ссылки,
поскольку автор, жид пархатый,

давно забыт в сибирской ссылке.

502

В любви к России – стержень и основа
души, сносящей боль и унижение;
помимо притяжения земного,
тюремное бывает притяжение.

503

За года, что ничуть я не числю утратой,
за крошечного рабства глухие года
столько русской земли накопал я лопатой,
что частицу души в ней зарыл навсегда.

504

Есть жуткий сон: чудовище безлико,
но всюду шарят щупальца его,
а ты не слышишь собственного крика,
и близкие не видят ничего.

505

Сибирь. Ночная сигарета.
О стекла снег шуршит сухой,
и нет стыда, и нет секрета
в тоске невольничьей глухой.

506

Я пил нектар со всех растений,
что на пути своем встречал;
гербарий их засохших теней
теперь листаю по ночам.

507

Как дорожная мысль о ночлеге,
как виденье пустыни – вода,
нас тревожит мечта о побеге
и тоска от незнания – куда.

508

Был ребенок – пеленки мочил я, как мог;
повзрослев, подмочил репутацию;
а года протекли, и мой порошок намок —
плачу, глядя на юную грацию.

509

Как ты поешь! Как ты колышешь стан!
Как облик мне твой нравится фартовый!
И держишь микрофон ты, как банан,
уже к употреблению готовый.

510

Словить иностранца мечтает невеста,

надеясь побыть в заграничном кино
посредством заветного тайного места,
которое будет в Европе окно.

511

Мы всю жизнь в борьбе и укоризне
мечемся, ища благую весть;
хоть и мало надо нам от жизни,
но всегда чуть более, чем есть.

512

Где ты нынче? Жива? Умерла?
Ты была весела и добра.
И ничуть не ленилась для ближнего
из бельишка выпархивать нижнего.

513

В той мутной мерзости падения,
что я недавно испытал,
был острый привкус наслаждения,
как будто падая – взлетал.

514

Конечно, есть тоска собачья
в угрюмой тине наших дней,
но если б жизнь текла иначе,

своя тоска была бы в ней.

515

С людьми вполне живыми я живу,
но все, что в них духовно и подвижно,
похоже на случайную траву,
ломающуюся к свету сквозь булыжник.

516

Чтобы прожить их снова так же,
я много дней вернуть хотел бы;
и те, что память сердца скажет,
и те, что помнит память тела.

517

Был юн – искал кого-нибудь,
чтоб душу отвести,
и часто я ходил взгрустнуть
к знакомым травести.

Теперь часы тоски пусты,
чисты и молчаливы,
а травести – давно толсты,
моральны и сварливы.

518

Легко мне пить вино изгнания

среди сибирской голытьбы
от сладкой горечи сознания
своей свободы и судьбы.

519

Смеются гости весело и дружно,
побасенки щекочат их до слез;
а мне сейчас застолье это нужно,
как птице-воробью – туберкулез.

520

Назад обращенными взорами,
смотря через годы и двери,
я вижу победы, которыми
обрел только стыд и потери.

521

Взамен слепой, хмельной горячности,
взамен решительности дерзкой
приходит горечь трезвой зрячести
и рассудительности мерзкой.

522

Дьявол – не убогий совратитель,
стал он искушенной за века,
нынче гуманист он и мыслитель,

речь его светла и высока.

523

Снова жаждали забвенья
все, кому любви отраву
подносил гуляка Беня,
кликчу Поц нося по праву.

524

К тебе, могильная трава,
приходят молча помолиться
к иным – законная вдова,
к иным – случайная вдовица.
Расти утешной.

525

Про все устами либерала
судя придирчиво и строго,
имел он ум, каких немало,
зато был трус, каких немного.

526

Чем русская история страшней,
тем шутки ее циников смешней.

527

Весь выходной в тени сарая
мы пьем и слушаем друг друга,
но глух дурак, с утра играя
в окне напротив бахи фуга.

528

Чем глубже вязнем мы в болото,
тем и готовней год за годом
для все равно куда полета
с любым заведомым исходом.

529

Не лейте на творог сметану,
оставьте заботы о мясе,
и рыбу не жарьте Натану,
который тоскует по Хасе.

530

Нам свойственно наследственное свойство,
в котором – и судьбы обоснование:
накопленный веками дух изгойства
пронизывает плоть существования.

531

От жалоб, упреков и шума,
от вечной слезливой обиды —

нисколько не тянет Наума
уйти от хозяйственной Иды.
532

Живя среди рабочей братии,
ловлю себя на ощущении,
как душен климат демократии
в ее буквальном воплощении.
533

Червяк по мнению улиток
презренно суетен и прыток.
534

Его голове доставало ума,
чтоб мысли роились в ней роем,
но столько она извергала дерьма,
что стала болеть геморроем.
535

Нелепо ждать слепой удачи,
но сладко жить мечтой незрячей,
что случай – фокусник бродячий,
обид зачеркивая счет,
придет и жизнь переиначит,
и чудо в ней проистечет.

Пожизненно вкушать нам суждено
духовного питания диету,
хоть очень подозрительно оно
по запаху, по вкусу и по цвету.

537

Смешным, нелепым, бестолковым,
случайно, вскользь и ни к чему,
кому-то в жизнь явлюсь я словом,
и станет легче вдруг ему.

538

А странно, что в душе еще доньше
очерчивать никто пока не стал
подземные течения, пустыни,
болота и обвальные места.

539

Неправда, что смотрю на них порочно —
без похоти смотрю и не блудливо,
меня волнует вид их так же точно,
как пахаря – невспаханная нива.

540

Вальяжности у сверстников моих,
солидности – в кошмарном избилии,
меж этих генералов пожилых
живу, как рядовой от инфантилии.

541

Всю жизнь я тайно клоунов любил,
и сам не стал шутом едва-едва,
и помню, как приятеля побил
за мерзкие о клоунах слова.

Теперь он физик.

542

С жаждой жить рожденные однажды,
мечемся по жизни мы усердно,
годы умаляют ярость жажды,
наш уход готовя милосердно.

543

Как бедняга глупо покалечен,
видно даже малому ребенку:
лучше, чтоб орлы клевали печень,
чем ослы проели селезенку.

544

Как поле жизни перейти,

свое мы мнение имеем:
тот змей, что Еву совратил,
он тоже был зеленым змеем.

545

Второпях, впопыхах, ненароком,
всюду всех заставляя врасплох,
происходит у века под боком
пересменка российских эпох.

546

Вянут, вянут друзья и наперсницы,
и какой-нибудь бывшей вострушке
я скажу, отдышавшись от лестницы:
все, подружка, оставим ватрушки.

547

Я стал бы свежим, как пятак,
морщины вытеснив со лба,
когда бы в кровь не въелась так
опаска беглого раба.

548

Нас догола сперва раздели
и дали срок поголодать,
а после мы слегка поели

и вновь оделись. Благодать!

549

С годами заметней, слышней и упорней,
питаюсь по древним духовным колодцам,
пускают побеги глубокие корни
корявой российской вражды к инородцам.

550

В зеркало смотрясь, я не грущу,
гриму лет полезен полумрак,
тот, кого я в зеркале ищу,
жив еще и выпить не дурак.

551

Едкий дым истории угарен
авторам крутых экспериментов:
Бог ревнив, безжалостен, коварен
и терпеть не может конкурентов.

552

С родителями детям невтерпеж,
им сверстники нужны незамедлительно,
а старость – обожает молодежь,
ей кажется, что свежесть зарательна.

553

За правило я взял себе отныне
прохладу проявлять к дарам судьбы,
однако не хватает мне гордыни
есть медленно соленные грибы.

554

Неважно, что живу я в полудреме;
пустое, что усну в разгаре дня;
бессонно я всю жизнь стою на стреме,
чтоб век не подменил во мне меня.

555

Как только уйму свои сомнения,
сразу же осмелюсь я тогда
сесть за путевые впечатления
с мест, где не бывал я никогда.

556

На душе – тишина и покой.
Ни желаний, ни мыслей, ни жажды.
Выйди жизнь постоянно такой,
удавился бы я уже дважды.

557

В классические тексты антологий

заявится стишок мой гостем частым:
по мысли и по технике убогий,
он будет назидательным контрастом.
558

Из бани выющийся дымок
похож на юность — чист и светел;
смышлен, прыщав и одинок,
в любой мечтал я влиться ветер.
559

Наш дух питают миф и сплетни,
а правда в пищу не годится,
душевный опыт многолетний
нас учит сказкой обходиться.
560

Евреи, выучась селиться
среди других племен и наций,
всегда ценили дух столицы
за изобильность комбинаций.
561

Я сам себе хозяин в быте сельском,
так люди по пещерам жили встарь,
останками зверей во льду апрельском

застыл мой огородный инвентарь.

562

Да, мужики – потомки рыцарей,

мы это помним и гордимся,

хотя ни душами, ни лицами

мы им и в кони не годимся.

563

Мой верный друг, щенок Ясир,

дворяжний сын, шальная рожа,

так тонко нрав мой раскусил,

что на прохожих лает лежа.

564

Судьба моя решилась не вполне,

сомнениями нервы мне дразня:

и дом казенный плачет обо мне,

и дальняя дорога ждет меня.

565

В истории кровавые разгулы

текут периодически по свету

естественно, как женские регулы,

и нам не изменить природу эту.

566

Моим стихам придет черед,
когда зима узду ослабит,
их переписчик переверт,
и декламатор испохабит.

567

Когда наивен, как Адам,
я ничего не знал практически,
от вида нежных юных дам
уже страдал я эстетически.

568

Давай, мой друг, бутылъ употребим —
прекраснее забава есть едва ли,
когда-то я фортуной был любим,
и вместе мы тогда употребляли.

569

Куда сегодня деться – все равно,

лишь только чтобы двери затворить,
я так с собой не виделся давно,
что нам уже пора поговорить.
570

Светлой славой ты свое прославил имя,
ходят девушки восторженной гурьбой,
стонут бабы над портретами твоими
сладострастней, чем когда-то под тобой.
571

Житейскими бурями крепко потрепан,
чинюсь в ожидании нового курса,
в бутылке души стало меньше сиропа,
но горечь добавила нового вкуса.
572

Увы, еще придет война,
спросив со всех до одного,
и вновь расплатятся сполна
те, кто не должен ничего.
573

Чем ночь темней, тем злей собаки,
рычащий хрип – регистр нотный,
и ясно слышится во мраке,

что эта злость — их страх животный.

574

Философов волнует тьма вопросов,
которыми Господь имел в виду
тревожить нас; ко мне присядь, философ,
польем ростки в беспочвенном саду.

575

Отнюдь не свят я, но отшельник,
забыты шум и суета,
я был поэт, я был мошенник
и доскитался до скита.

576

Нагадай мне, цыганка, дорогу,
облегчи мне надеждами сердце,
не молюсь я ни черту, ни Богу,
но охота куда-нибудь деться.

577

Жена с утра кота не покормила,
и он поймал мышонка через час;
у нашего российского кормила —
похоже, так надеются на нас.

578

Мне верить вслух неинтересно,
не верю я открытой вере;
во что я верю, неизвестно
и самому мне в полной мере.

579

Неявны в тихом воздухе угрозы
грядущего, сокрытого от глаз,
но наши спасенья и прогнозы
заранее расшатывают нас.

580

Дрязги дряхлых мизантропов —
пенье ангелов в раю,
если б мой душевный ропот
кто слышал, когда встаю.

581

Вся жизнь моя в правах поражена,
спокойно могут сжить меня со свету
стихии, власть, бактерии, жена
(поскольку я люблю стихию эту).

582

Разумно — жить упрямо и нелепо.

То лучшее, что ценно в нас для Бога —
самим собой проложенная слепо
заведомо неверная дорога.

583

Бывает время – дух пресыщен,
он сыт и пьян, в себе уверяясь,
но ищет, жаждет новой пищи,
и сам себе рождает ересь.

584

Я признаю все игры в прятки
и все резоны уезжать:
когда душа уходит в пятки,
им жутко чешется бежать.

585

Пылает печь моя неистово,
висит блаженное молчание,
и сердце радуется струистое
чернильной глупости журчание.

586

Доволен я тем, как растет понемножку
бумажная груда, где жизнь моя скоплена,
ко дню, когда вызовут мне неотложку,

в достатке здесь будет прекрасного топлива.

587

Плоти нашей хрупкие красоты
тихо уступают вихрю дней,
лысины восходят на высоты,
где жила отвага меж кудрей.

588

Труда тугая дисциплина,
узда и шпоры нашей лени,
лекарство лучшее от сплина
и от излишних размышлений —
такая мерзость!

589

Редки с диким словом стали встречи,
мех его повыцвел и облез,
даже в родники народной речи
влил бензин технический прогресс.

590

Чем темней угрюмая страна,
чем она растленней и дряхлей,
тем острее раздора семена,
всюду насаждаемые ей.

Тепло и свет опять берут свое,
все жилы и побегии вновью упруги;
не зрители весны, а часть ее,
тревожно оживляются подруги.
592

Толпа рабов – не сброд, а воинство
при травле редкого из них,
кто сохранил в себе достоинство,
что люто бесит остальных.
593

Меня в Сибирь мой жребий выселил,
а я, прильнув к ее просторам,
порой скучаю по бессмысленным
о смысле жизни разговорам.
594

В себя впадая, как в депрессию,
гляжу, почти не шевелясь,
как порастает мхом и плесенью
моя с людьми живая связь.
595

Высоких мыслей не было и нет
в корзине этой, шалой и пустой,
хотя в моей душе живет поэт,
но спился и не платит за постой.

596

Тот Иуда, удавившись на осине
и рассеявшись во время и пространство,
тенью ходит в нашем веке по России,
проповедуя основы христианства.

597

Восприняв ссылку как гастроли,
душой и телом не уныл,
такую баню я построил,
что все грехи свои отмыл.

598

Хвала судьбе! Ведь ненароком
намечен в избранные души,
я мог бы стать слепым пророком
какой-нибудь высокой чуши.

599

Ученые в джунглях науки дичают,
спеша утолить свой охотничий зуд,

и слабо людей от гиен отличают,
и все, что добыли, гиенам несут.
600

То ухаю тревожно, как сова,
то каркаю зловеще, как ворона;
игра моя блаженная в слова
дается голове не без урона.
601

Беда вся в том, что иудеи —
отнюдь не явные злодеи,
но чем их пагуба неясней,
тем с очевидностью опасней.
602

А днем еду я вынимаю
(хлеб, сало, чай — сюжет не нов)
и с удовольствием внимаю
брехне бывалых ебунов.
603

Гипноз какой-то колдовской
есть в зимних рощах нелюдимых:
с неясной гложащей тоской
вдруг вспоминаешь всех любимых.

Давно уже две жизни я живу,
одной – внутри себя, другой – наружно;
какую я реальной назову?
Не знаю, мне порой в обеих чуждо.

СИБИРСКИЙ ДНЕВНИК

часть вторая

Жена меня ласкает иногда
словами утешенья и привета:
что столько написал ты – не беда,
беда, что напечатать хочешь это.
606

Кроме школы тоски и смирения
я прошел, опустившись на дно,
обучение чувству презрения —
я не знал, как целебно оно.
607

На самом краю нашей жизни
я думаю, влазя на печь,
что столько я должен отчизне,
что ей меня надо беречь.
608

В предательских пространствах этих стылых —
где место, где пристанище мое?
Вот я уже в России жить не в силах
и жить уже не в силах без нее.

Тюремные прощанья – не беда,
увидимся, дожить бы до свободы;
о том, что расставались навсегда,
вдруг больно понимаешь через годы.
610

Весна сняла обузу снежных блузок
с сирени, обнажившейся по пояс,
но я уже на юных трясогузок
смотрю, почти ничуть не беспокоясь.
611

Невольник, весь я в путах строгих,
но со злорадством сознаю,
что я и в них свободней многих,
цепь охраняющих мою.
612

Я – удачник. Что-то в этом роде.
Ибо в час усталости и смуты
радость, что живу, ко мне приходит
и со мною курит полминуты.
613

В Сибирь я врос настолько крепко,
что сам Господь не сбавит срок;
дед посадил однажды репку,
а после вытащить не смог.

614

Сколько света от схватки идей,
сколько свежести в чувственной гамме;
но насмотришься сук и блядей —
жирно чавкает грязь под ногами.

615

В том, что я сутул и мешковат,
что грустна фигуры география,
возраст лишь отчасти виноват,
больше виновата биография.

616

Учусь терпеть, учусь терять
и при любой житейской стуже
учусь, присвистнув, повторять:
плевать, не сделалось бы хуже.

617

Вот человек: он пил и пел,
шампанским пенился брожением,

на тех, кто в жизни преуспел,
глядит с брезгливым уважением.
618

Есть власти гнев и гнев Господень.
Из них которым я повержен?
Я от обоих не свободен,
но Богу – грех, что так несдержан.
619

Слова в Сибири, сняв пальто,
являют суть буквальных истин:
так, например, беспечен тот,
кто печь на зиму не почистил.
620

Я проснулся несчастным до боли в груди —
я с врагами во сне пировал;
в благодарность клопу, что меня разбудил,
я свободу ему даровал.
621

Города различались тюрьмой —
кто соседи, какая еда;
навсегда этот праздник со мной,
хоть не праздничен был он тогда.

622

Скачет слов оголтелая конница,
стычки строчек и фраз теснота;
их рифмую не я, а бессонница,
сигарета, весна, темнота.

623

Как жаждет славы дух мой нищий!
Чтоб через век в календаре
словно живому (только чище)
сидеть, как муха в янтаре.

624

Как молодость доспехами бряцала!
Какой бывала зрелость удалой!
Остыли, как восторг провинциала
в промозглости столицы пожилой.

625

Моим конвойным нет загадок
ни в небесах, ни в них самих,
царит уверенный порядок
под шапкой в ягодицах их.

626

Муки творчества? Я не творю,
не мечусь, от экстаза дрожа;
черный кофе на кухне варю,
сигарету зубами держа.

627

Наша кровь – родня воде морской,
это от ученых нам известно,
может, потому такой тоской
мучаемся мы, когда нам пресно?

628

Служить высокой цели? Но мой дом
ни разу этой глупостью не пах.
Мне форма жмет подмышки. И притом
тревожит на ходу мой вольный пах.

629

О чем судьба мне ворожит?
Я ясно слышу ворожею:
ты гонишь волны, старый жид,
а все сидят в гавне по шею.

630

Конец апреля. Мутный снег,
не собирающийся таять,

и мысль о том, что труден век,
но коротка, по счастью, память.
631

Учить морали – глупая морока,
не лучшая, чем дуть на облака;
тебе смешна бессмысленность урока,
а пафос твой смешит ученика.
632

Разумность – не загадка, просто это
способность помнить в разные моменты,
что в жизни нет обратного билета,
а есть налоги, иски, алименты.
633

Сколь мудро нас устроила природа,
чтоб мы не устремлялись далеко:
осознанное рабство – как свобода:
и даль светла, и дышится легко.
634

Забавно, что стих возникает из ритма;
в какой-то момент, совершенно случайный,
из этого ритма является рифма,
а мысли приходят на свет ее тайный.

Когда б из рая отвечали,
спросить мне хочется усопших —
не страшно им ходить ночами
сквозь рощи девственниц усохших?

636

Тоски беспочвенное чувство —
души послание заветное
о том, что гнилостно и гнусно
ей наше счастье беспросветное.

637

Был подражатель, стал учеником,
и в свет его ввела одна волчица;
но слишком был с теорией знаком,
чтоб лепету и бреду научиться.

638

Я уважал рассудка голос,
к нему с почтеньем слух склонял,
но никогда на малый волос
решений глупых не менял.

639

Сомнительная личность — это кот,
что ластится и жаждет откровений;
сомнительная личность — это тот,
о ком уже все ясно без сомнений.

640

Мне кажется, наука с ее трезвостью,
умом и сединою в волосах
копается в природе с наглой резвостью
мальчишки, что копается в часах.

641

Грозным запахом ветер повеял,
но покой у меня на душе;
хорошо быть сибирским евреем —
дальше некуда выслать уже.

642

Столько волчьего есть в его хватке,
так насыщен он хищным огнем,
что щетинится мех моей шапки,
вспоминая о прошлом своем.

643

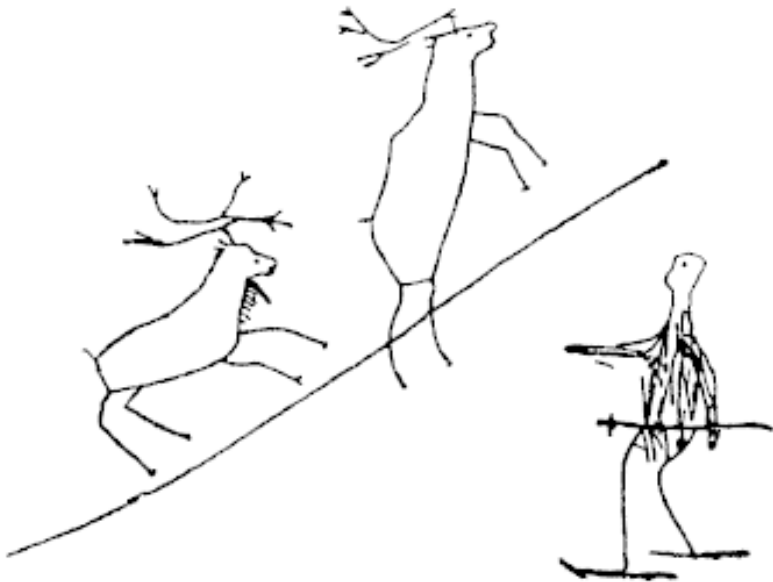
В неусыпном душевном горении,
вдохновения полон могучего,

сочинил я вчера в озарении
все, что помнил из Фета и Тютчева.
644

И в городе не меньше, чем в деревне,
едва лишь на апрель сменился март,
крестьянский, восхитительный и древний
цветет осеменительный азарт.
645

А ночью небо расколосось,
и свод небес раскрылся весь,
и я услышал дальний голос:
не бойся смерти, пьют и здесь.
646

Сейчас не бог любви, а бог познания
питает миллионов нищий дух,
и строит себе культовые здания,
и дарит муравьям крылатость мух.
647

С природой здесь наедине,
сполна достиг я опрощения;
вчера во сне явились мне
Руссо с Толстым, прося прощения.
648

Кто жизнь в России жил не зря,
тому грешно молчать, —
он отпечатки пальцев зла
умеет различать.
649

Уже в костях разлад и крен,
а в мысли чушь упрямо лезет,
как в огороде дряхлый хрен
о юной редьке сонно грезит.
650

Что я сидел в тюрьме – не срам,
за верность чести в мышеловку
был загнан я. Как воин шрам,
люблю свою татуировку.
651

Покой исчез, как не было его,
опять я предан планам и химерам;
увы, штанам рассудка моего
характер мой никак не по размерам.
652

Боюсь попасть на землю предка
и ничего не ощутить,
ведь так давно сломалась ветка,
и так давно прервалась нить.
653

Мой воздух чист, и даль моя светла,

и с веком гармоничен я и дружен,
сегодня хороши мои дела,
а завтра они будут еще хуже.
654

Конечно, жизнь – игра. И даже спорт.
Но как бы мы себя ни берегли,
не следует ложиться на аборт,
когда тебя еще и не ебли.
655

Исчезли и зелень, и просинь,
все стало осклизлым и прелым,
сиротская стылая осень
рисует по серому серым.
656

Не зная зависти и ревности,
мне очень просто и легко
доить из бурной повседневности
уютя птичье молоко.
657

Вчера я думал в темной полночи,
что мне в ошейнике неволи
боль от укусов мелкой сволочи

острей и глубже главной боли.

658

Очевидное общее есть

в шумной славе и громком позоре:

воспаленные гонор и честь

и смущенная наглость во взоре.

659

Новые во мне рождает чувства

древняя крестьянская стезя:

хоть роскошней роза, чем капуста,

розу квасить на зиму нельзя.

660

Слегка курчавясь днями выходными,

дым времени струится в никуда,

и все, что растворимо в этом дыме,

уносится без эха и следа.

661

Неясное дыханье колдовства,

забытые за древностью поверья

на душу навевают нам листва,

которой плачут осенью деревья.

662

Мой друг – иной, чем я, породы
ввиду несходства чрезвычайного:
мне дорог тайный звук природы,
ему – природа звука тайного.
663

Даровит, образован и знаний букет,
ясен ум и суждения быстры,
но способности есть, а призвания нет,
а бензин – только жидкость без искры.
664

Муза истории, глядя вперед,
каждого разно морочит;
истая женщина каждому врет
именно то, что он хочет.
665

Часто мы виновны сами
в наших промахах с девицами,
ибо многие задами
говорят не то, что лицами.
666

Царствует кошмарный винегрет

в мыслях о начале всех начал:
друг мой говорил, что Бога нет,
а про черта робко умолчал.
667

Пожить бы сутки древним циником:
на рынке вставить в диспут строчку,
заесть вино сушеным фиником
и пригласить гречанку в бочку.
Под утро ножкою точеной
она поерзает в соломе,
шепча, что я большой ученый,
но ей нужней достаток в доме.
Я запахну свою хламиду,
слегка в ручье ополоснусь,
глотком воды запью обиду
и в мой сибирский плен вернусь.
668

А закуришь, вздохни беспечно
у заросшей могилы моей:
как нелепо он жил и случайно,
очень русским был этот еврей.
669

Живу я безмятежно и рассеянно;

соседи обсуждают с интересом,
что рубль, их любимое растение,
нисколько я не чту деликатесом.

670

Жаркой пищи поглощение
вкупе с огненной водой —
мой любимый вид общения
с окружающей средой.

671

Печальная нисходит благодать
на тех, кто истолчен в житейской ступке:
умение понять и оправдать
свои неблагоприятные поступки.

672

Пожив посреди разномастного сброда,
послушав их песни, мечты и проклятия,
я вспомнил забытое слово: порода,
и понял, как подлинно это понятие.

673

Есть люди — как бутылки: в разговоре
светло играет бликами стекло,
но пробку ненароком откупорил —

и сразу же зловонье потекло.

674

Мой дух ничуть не смят и не раздавлен;
изведав и неволю и нужду,
среди друзей по рабству я прославлен
здоровым отвращением к труду.

675

Мои пути так непутевы,
беспутны так мои пути,
что только путаница слова
мне помогла по ним пройти.

676

Всем дамам улучшает цвет лица
без музыки и платья чудный танец,
но только от объятий подлеца
гораздо ярче свежесть и румянец.

677

С доброжелательством ребенка
живу с тех пор, как был рожден,
и задушевностью подонка
бывал за это награжден.

678

Давно старики наши с нами расстались,
уйдя без обиды на вечный покой;
за все, что ушедшим должны мы остались,
отплатят нам дети – сполна и с лихвой.

679

Должно быть, в этом годы виноваты:
внезапно все смеркается вокруг,
и острое предчувствие утраты
мучительно пронизывает вдруг.

680

Не дослужась до сытой пенсии,
я стану пить и внуков нянчить,
а также жалобными песнями
у Бога милостыню кланчить.

681

Творя научные мистерии,
познание чувствам предпочтя,
постигли мы распад материи,
распада духа не учтя.

682

Для всех распахнут я до дна,

до крайнего огня,
но глубже – темная стена
внутри вокруг меня.
683

Я уравновесил коромысло
с ведрами желания и долга,
только очень мало вижу смысла
в том, что я несу его так долго.
684

Судьбы своей тасуя ералаш,
я вижу из поблескиванья фактов,
что чем обыкновенней опыт наш,
тем больше в нем с поэзией контактов.
685

Есть в жизни магистральные пути,
где сомкнутой толпы пылит пехота,
но стоит ненадолго с них сойти,
и больше возвращаться неохота.
686

Я не спорю – он духом не нищий.
Очень развит, начитан, умен.
Но вкушая духовную пищу,

омерзительно чавкает он.

687

Муза – полуведьма, полудама.

Взбалмошная, вечно молодая.

Ветрена, капризна и упряма

и уходит, не предупреждая.

688

Жалко, если сбудется мой бред,

но уже дымит на мне рубаха;

я рисую времени портрет,

и оно расплатится с размаха.

689

Вдруг плесень мха со старых стен

уколет сердце бурым тлением,

и всех логических систем

не хватит справиться с волнением.

690

Я машину свою беспощадно гонял,

не боясь ни погоды, ни тьмы;

видно, ангел-хранитель меня охранял,

чтобы целым сберечь для тюрьмы.

691

Когда душа облита ложью
и жирным чадом грязных дней,
окурок в пепельнице может
родить отчаяние в ней.

692

Я был нелепым, был смешным,
я просто тек, журча,
но море было бы иным
без моего ручья.

693

Проходимец и безобразник,
верю: будет во вторник-среду
и на нашей улице праздник;
только дайте сперва я съеду.

694

Вот ведь чудо: чистый атеизм
в годы, когда в космос кинут мост,
стал почти такой же атавизм,
как покров из шерсти или хвост.

695

Живем ожиданием чуда,

оно не случиться не может,
и мы в него верим, покуда
не видим, что век уже прожит.
696

В те дни, когда поступки событийные
подростки начинают затевать,
родители – фигуры комедийные,
что очень им обидно сознавать.
697

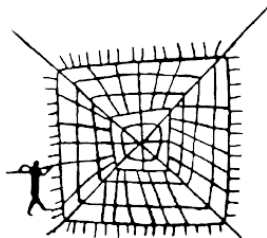
Со старым другом спор полночный.
Пуста бутылъ, и спит округа.
И мы опять не помним точно,
в чем убедить хотим друг друга.
698

Снова завтра день судьба пошлет,
снова что-то вспомню из былого,
снова день прольется напролет
в ловле ускользящего слова.
699

Склонен до всего коснуться глазом
разум неглубокий мой, но дошлый,
разве что в политику ни разу

я не влазил глубже, чем подошвой.

700

Балагурия, сквернословя и шутя,
трогал столькие капканы я за пасть,
что в тюрьму попал естественно, хотя
совершенно не туда хотел попасть.

701

Бывает зло – оно стеной
стоит недвижной и глухою,
но повернись к нему спиной —
само становится трухою.

702

Пускай бы, когда свет почти померк,
душа, уже рванувшаяся ввысь,
из памяти взрывала фейерверк
секунд, что в этой жизни удались.

703

Между мелкого, мерзкого, мглистого
я живу и судьбу не кляню,
а большого кто хочет и чистого,
пусть он яйца помоем слону.
704

Мы все – пылинки на планете.
Земля – пылинка во Вселенной.
Я сплю. Уютны мысли эти
моей ленивой плоти тленной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.